

Анатолий Казьмин

И.О. Кощея

16+

СОБСТВЕННАЯ Е.И.В. КОЩЕЯ КАНЦЕЛЯРИЯ

Канцелярия Кощея

Анатолий Казьмин

И.о. Кощея

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Казьмин А. А.

И.о. Кощея / А. А. Казьмин — «ЛитРес: Самиздат»,
2019 — (Канцелярия Кощея)

Тайный сыск царя Гороха? Какого такого царя? У нас, в сказочном древнерусском государстве только один царь — Кощей. Но пока Кощей висит на цепях в тёмной камере в тюрьме особого режима где-то за Уральскими горами, от его имени правит скромный компьютерщик, Захаров Фёдор Васильевич, обычный Статс-секретарь Канцелярии. (Обложка разработана автором книги на основе свободных материалов сети Интернет)

«Михалыч бежал зигзагами по Колокольной площади, пригибаясь и часто оборачиваясь, отстреливаясь из именного маузера. Фашисты, уверенные в своём превосходстве шли длинной цепью загибающейся с флангов и Михалыч, нырнув за перевёрнутую телегу, с горечью подумал: «Не успею ить... Кабы токма до ворот добратсьи...». Он вздохнул, мысленно перекрестился, сплюнул трижды на труп эсесовца и снова рванул к дому кожевенника, натужно хекая и тихо матерясь.

Калымдай, сидя на крыше за печной трубой, осторожно выглянул, оценивая поле боя.

– Не успеет, дед, никак не успеет, – прошептал он и в отчаянье поднявшись во весь рост и широко расставив ноги на скользкой черепице, дал длинную очередь из трофейного шмайсера по фрицам.

– Сдохните гады! – заорал Калымдай, отвлекая на себя внимание.

Но гады только обидно смеялись, а пули проходили сквозь их полупрозрачные тела не причиняя никакого вреда.

– Калымдай, внучек! Схоронись! – закричал Михалыч, из последних сил ныряя в приоткрытую калитку.

Фашисты сбились в кучу метрах в тридцати от ворот и вперёд выступил рослый штурмбанфюрер.

– Сдавайтесь, Кошеево отродье! – крикнул он на чистейшем русском и взял наизготовку фаустпатрон.

– Кошеевцы не сдаются, блин! – рявкнул вдруг голос и за спинами фрицев поднялась невысокая крепкая фигура Аристофана. – В натуре, замочу гадов!

Он выхватил из-за пазухи связку гранат и ловко метнул её в толпу уже предвкушавших победу фашистов. Грохнул взрыв, но когда рассеялась пыль, Аристофан только с горечью сплюнул: фашисты продолжали спокойно стоять, ехидно улыбаясь.

– Наше чёрное колдунство вам не одолеть, – торжествующе улыбнулся штурмбанфюрер, наводя фаустпатрон на Калымдая.

– А отвдайте-ка тогда пульт наших заговорённых!

Ворота распахнулись и посреди них среди клубов дыма, сначала проявилась тельняшка с лентами патронов крест-накрест, а потом уже полностью показалась суровая фигура Михалыча.

– За Федьку! – заорал он. – За оладки!

Перехватив поудобнее ручной пулемёт, дед начал от бедра поливать фашистов серебряными колдовскими пулями. Фрицы завизжали от боли и ужаса, а их тела, разрываемые на куски, слабо замерцали и вонючими кусками грязного тумана стали всасываться в землю. Всего несколько секунд и на поле боя остался только штурмбанфюрер, бросивший оружие и машущий над головой белым кружевным платочком.

– Я сдаюсь! Сдаюсь! – завизжал он, потом заплакал и размазывая сопли по лицу, провыл: – Не убивай меня, дедушка Михалыч! Я тебе ещё пригожусь!

– А вот хрен, – сурово сказал дед, нажимая на курок».

* * *

Я поставил точку, перечитал свеженабранный текст, хихикнул и удалил его.

Вот хоть последний кусок бутерброда у меня отберите, а не собирался я ничего подобного писать. Выдалась свободная минутка, сел за комп, решил набросать себе для памяти маленький конспектик о событиях за последние пару месяцев, а пальцы сами застучали по клавиатуре и, нате получите образец высокого графоманского стиля.

Это всё нервы, недоедание и хронический недосып, я знаю. Да и Михалыч вам подтвердит, да не только подтвердит, а и потащит сразу же за стол, если только попадётся ему в руки. Но не переживайте, не попадётся.

Попавших в это полусказочное царство-государство, всего двое – я, ваш скромный автор этих записок, Захаров Федор Васильевич и мой товарищ по несчастью, сыскной воевода и заведующий первым Лукошкинским отделением милиции, участковый Ивашов Никита свет Иванович.

Хотя, почему по несчастью? Я себя несчастным вовсе не чувствую. Ну, изредка разве что, когда достанут все и вся. Да и Никита, насколько я знаю, совсем не жалуется, а как сыр в масле катается в тереме бабы Яги, которая предоставила всё своё нажитое несправедным трудом хозяйство под отделение милиции.

Как мы попали сюда? Ну, со мной всё просто. Меня сюда из моего мира, причем вместе с вагончиком, забитым аппаратурой, перетащил Кощей, размечтавшийся, что я легко так возьму и решу проблему с назойливым участковым. Мол, раз я из одного мира и времени с Ивашовым, то для меня расправиться с ним – плёвое дело. Класная логика, ничего не сказать. Расправляться с милицией я не стал, да и не смог бы, понятное дело, но был вскоре за особые заслуги оценен, возвышен и назначен главой собственной Его Императорского Величества Кощея канцелярией. Статс-секретарь, аплодисментов не надо. Ну, если очень хочется, валяйте, аплодируйте, я посмущаюсь, но переживу.

А вот с Никитой дело более странное. Он тут оказался немного раньше меня и сразу попал в столичный город Лукошкино в распростертые объятия официального царя нашего государства Гороха. А вот кто и почему его сюда перебросил – загадка до сих пор.

– Царь-батюшка! – послышался подобострастный голос за спиной – Не вели казнить, вели миловать, злодей ты наш неопикуемый, Кощеюшка ты наш свежесыпеченный, а только изголодалси ты небось, измаилси от трудов своих тяжких, так и сядь за стол, да и отобедай, чем нам Иван Палыч послали.

– Михалыч, завязывай, – я крутнулся на кресле, разворачиваясь к деду. – Достали уже своими приколами.

– А раз так, то живо, Федька за стол! – дед грозно покачал полотенцем. – Я по второму разу разогревать не буду!

Тишка да Гришка, бесенята Михалыча, тут же запрыгали вокруг меня, выпрашивая мультики, раз компьютер освободился. Да нате, паразиты, отвяжитесь только...

Я со вздохом перебрался за длинный стол из обычных строганных досок, стоящий прямо посреди центрального помещения нашей Канцелярии, сел на лавку и приготовился к ежедневно-многократной попытке.

– Борщ на первое, – подвинул мне под нос миску Михалыч. – И не вороти рожу, внучек, обед – главная еда за весь день, наворачивай давай.

– Так вроде же завтрак – главная еда? – я запустил ложку в крынку с густой сметаной и ляпнул её в борщ. – Ты же мне каждое утро твердишь об этом.

– Завтрак... Да когда енто было, – отмахнулся дед, обкладывая миску с борщом блюдечками с сухариками, чесноком, луком, острым перцем и тонко порезанным салом. – Ты не болтай, а рот если раззявил, то запикивай в него сало поскорее. Вот... правильно... В сале, внучек, вся сила и мужская и государственная!

– Как это – государственная? – изумился я, решительно откусывая половинку стручка острого перца. – Ух!

– А от сала мозги шибче работать начинают, – пояснил дед, умильно наблюдая, как я поспешно заедаю горячим борщом жуткую горечь во рту. – А ты, внучек, у нас и есть сейчас государство.

Угу, государство – это я. Это не Людовик XIV придумал, как видите, а дед.

Дед у меня хороший. Да что там – классный! Нет, он мне на самом-то деле и не дед вовсе, но по факту ещё какой дед. Когда я тут появился он как-то сразу взял меня под свое крылышко и окутал заботой и любовью, как родного. Да и я его сейчас воспринимаю, как самого настоящего родного деда. Милый такой низенький старичок, слегка лысеющий, зато с бородой до середины груди. Ангелочек пенсионного возраста. Каждый так про него подумать может, кто не знает. Только таких тут нет. Да и вообще не знаю, где такие есть. Михалыча знают все в нашем царстве-государстве, да и за его пределами. И не только знают, но и уважают. А, может быть и боятся. Хотя чего его бояться? Он хороший. Ну, гастролировал в молодости по Европе в качестве знаменитого медвежатника, взломщика сейфов, легендой воровского мира был, ну так это было да прошло. В старости дед вернулся в российские земли, да и пристроился во дворце Кощея, а как я появился, так сразу и в мою Канцелярию попал. Надо бы, кстати, ему официальную должность назначить. А, ладно и так сойдёт.

Бесенята в кресле запрыгали и восторженно завопили от очередного ловкого трюка черепашек-ниндзя, дед убрал у меня из-под носа пустую миску и подсунул вместо нее другую, с молодой картошкой и жареным мясом.

– Ну, дед, – тут же привычно заныл я, выискивая взглядом кусок пожирнее и повкуснее, – ну я же лопну!

– Лопнешь, так я вместо тебя Кошеем стану! Буду гусей-лебедей кушать, да пирожки мёдом запивать, а Машке прикажу мне спину чесать с утра до вечера, вона у неё когти какие! А ты ешь, ешь. Енто тоже тебе привет от Иван Палыча. Сказали барбекю называются, спаси господи... Вот зачем они, внучек, слова так коверкают на свой басурманский лад?.. Ешь, кому сказал!.. Шамаханьы наши, шашлыком обзывают, Иван Палыч, вона какое слово придумали... Мясо и мясо, отродясь его по-другому и не называли...

Это у нас с дедом тоже традиция. Я отбиваюсь, а он в меня еду усиленно запихивает, да половником поглубже пропихивает и утрамбовывает. Шучу. Почти. Впереди у меня десерт, а если съесть всё что дед размечтался в меня запихнуть до десерта, то прощай пирожки да булочки – они уже, действительно не влезут. Да и бог с ними, пирожками, но дедовы оладки... Вот это я никак пропустить не могу и не хочу и даже не уговаривайте меня. И ожирение мне не грозит, не переживайте. Со времени начала моего царствования тут, покою моим нервам нет, а они, уж поверьте, жирам накапливаться не дают. Ох, устал если честно. Каждый день что-нибудь случается. Ни с Калымдаем выпить, ни к Варе съездить.

Простите, я, наверное, сумбурно? Сразу вываливаю массу информации, как Яндекс при неправильном запросе поиска. Сейчас объясню, поскучайте немного.

А нет, не сейчас. Сейчас – оладки, ура!

Вот, уф-ф-ф... Теперь можно и рассказать. Я быстро, не волнуйтесь.

В этом древнерусском государстве власть двойная. Официальная принадлежит правящему сейчас царю Гороху. Ну, кстати не из самых худших царь. Государство при нём крепкое, народ доволен, враги сунуться боятся, крестьяне пашут, купцы торгуют, бояре жиреют и дурака валяют в своей Думе. Всё как положено. Но есть тут и вторая власть в лице моего нынешнего работодателя Кощея. Личность это крайне неординарная, зловещая и загадочная. Точно про него никто ничего не знает, но силушкой он не обижен, в колдовстве на «пять» разбирается, возраста неопределенного, думаю несколько сот, а то и тысяч лет ему точно есть. Да еще и живучий невероятно, потому что Бессмертный. Это и по документам так и по факту – Бессмертный. Почему, как и за что ему такое привалило, никто не в курсе, просто есть такой феномен и всё тут.

Власти и денег у Кощея точно побольше будет, чем у Гороха и, захоти он править государством официально, то для него это никакой сложности не составит. Только ему это и на фиг не нужно. Он у нас эдакий крутой мафиози всероссийского разлива. Все лихие люди ему долю от своего заработка отстёгивают, со всех сторон денежные ручейки в Лысую гору, где дворец

Кощеев находится, стекаются. А Кошей всем этим правит разумно в меру своей злодейской сущности, а в свободное от работы время скучает и от скуки вечно вляпывается в какие-нибудь авантюры. Правда, в последний раз он вляпался в царскую каторгу, где и находится сейчас уже два месяца... Ну да, даже немного больше двух. Летучий корабль мы построили в конце августа, а сейчас уже ноябрь.

На базе этого корабля думал Кошей создать военно-воздушную флотилию и идти воевать своего заклятого недруга фон Дракхена. Это такой гад здоровенный в виде дракона. Не путайте его с нашим Горынычем. Горыныч у нас хороший, хотя и заносит его иногда причем, не только в полёте. Я сам этого Дракхена не видел, но судя по рассказам немногих выживших, повстречавших его, зверюга там ну очень большая. И совершенно чокнутая.

С флотом у Кощея ничего не вышло, а тут еще так сложилось, что гад тот драконистый, как раз решил напасть на Кощея, который отпора ему дать в тот момент ну никак бы не смог. И ладно бы Кощея он поборол, не беда, не насмерть же, помните про бессмертие? Но дракон этот после победы отправился бы гулять по всему нашему государству и Лысая гора, как Кошеева база и Лукошкино, как столица, первыми попали бы под раздачу. Что, если чуть подробнее, означает сравнение под корень и горы и города, причем вместе со всеми обитателями.

Кошей тогда долго голову ломал, как бы из этой ситуации выбраться, да время себе для ответной атаки выиграть и пришёл он к единственному разумному выходу – сдаться в плен царю Гороху. Фон Дракхену просто так резвиться не интересно, ему Кощея одолеть важно, да не обессиленно висящего сейчас на цепях в камере, а полного сил. А уничтожение земель да жителей, это так, маленький бонус. Вот и отправился Кошей в далёкую самую крепкую тюрьму куда-то аж за Урал, а фон Дракхен пролетел со своей затеей.

Кошей своим самопожертвованием Русь спас, а накануне своего плена оставил письменное распоряжение, так мол, и так, пока я тут за вас всех в тюрьме парюсь, замещать меня будет мой дорогой и всеми любименький Феденька. То есть я. И.о. царя, как в известном фильме расписывался на указе один вредный персонаж. И назначение меня временным царём тайной воровской империи Кощея, было совсем не предложением занять сей пост, уж поверьте. Приказал и всё. А мне, честно говоря, оно и даром не нужно. Мне и в своей Канцелярии с моими сотрудиниками совсем не плохо и совершенно не скучно.

Ну вот такие вот дела на сегодняшний день, в нашем царстве-государстве, едином под двумя линиями власти. Кстати, вникнув слегка в местное государственно-политическое устройство, я как-то задумался о всем известном гербе – двуглавом орле. Не отсюда ли такая символика пошла?

Заскрипела дверь, в Канцелярию влетела Маша и сходу заныла:

– Ну, мсье Теодор, ну можно мне в Лукошкино? Ну, силь ву пле, а?

Кстати, «влетела» – это не образное выражение, а буквальное. Маша по дворцу Кощея, если спешит или раздражена, то рассекает на своих крыльях, а-ля летучая мышь. Сразу замечу, что Иоганн Батистович Штраус, вовсе не Машей вдохновился при создании своей знаменитой оперетты. Маша у нас – вампир. Хотя... Да нет, не может быть.

– Нельзя, Машуль, сейчас никак не получается, потерпи немного.

– Ну, сколько же можно, мсье Теодор?! Я уже неделю Кнутика не видела! Я скуча-а-аю...

Кнутик это – Кнут Гамсунович Шпицрутенберг, немецкий посол при дворе Гороха. Маша с ним как закружились в страстном романе еще летом, так до сих пор и порхают в розовых облаках личного счастья и возвращаться на землю никак не желают.

– Маш... Ну нет сейчас никакой возможности тебя в Лукошкино отправить, понимаешь? Горыныч еще не прилетел, занят он очень, а с бесами их путями подземными, ты сама путешествовать не хочешь.

– А Максимилиан? – требовательно спросила Маша.

– А Макс на меня обижен – я ему никак продолжение сериала про динозавров показать не успеваю.

– А вы ему прикажите! Царь вы или не царь?!

– Аз есмь царь, – строго икнул я, и с трудом поднявшись с лавки, направился к дивану. – Вот сама иди на конюшню и договаривайся с ним.

Максимилиан, это у нас конь такой. Путь от Лысой горы до Лукошкино по всем местным волшебным дорогам, одолевает за два-три часа. Очень удобное средство передвижения, не будь Максимилиан говорящим. Все мозги вынесет за дорогу своими рассуждениями об инопланетянах, эволюции, древних цивилизациях и прочих околонуточных теориях. Фоменко на него нет.

– Ну, мсье Теодор... Кнутик уже чахнет без меня... Да и я, посмотрите... нет, вы не отворачивайтесь, а посмотрите, – Маша растянула свой кожаный жилет в стороны, – я же толстеть начала от горя!

– Машуль, потерпи пару дней, хорошо? Я что-нибудь придумаю, обещаю.

– Так же, как вы мне мешок яблок обещали? Кстати, – Маша уперла кулачки в бока, – а где мой мешок яблок?

– Я уже послал за ним, – привычно отбрехался я. – На неделе точно привезут.

Она меня уже достала этими яблоками. Еще летом я ей пообещал купить их, но до сих пор ну вот просто не получается. Не потому, что мне жалко – просто времени нет.

– А вы бы и сами, мсье Теодор, – зашла с другой стороны Маша, – съездили бы к мадмуазель Варе. Да и меня бы по пути в Лукошкино подкинули. Вы же давно с ней не виделись?

– Две недели, – вздохнул я.

– Вот видите! Мадмуазель Варя уже, наверное, все глаза вылакала, а вы тут на диване валяетесь! Да и сами вы, Теодор очень неважно выглядите.

– А что такое? – заволновался я.

– Кровь в вас черная испорченная по жилам ходит от разлуки с любимой. Хорошей крови может быть только на пару глотков и осталось. Уж поверьте, это я вам как вампир говорю... Собирайтесь и в путь!

– Ну, какой ты вампир, Машуль, – отмахнулся я. – Вампиры вегетарианцами не бывают.

– Не бывает бывших вампиров! – парировала Маша, и уже было открыла ротик для очередного потока жалоб, густо замешанного на шантаже и угрозах, как в Канцелярию зашёл мой старый друг и соратник Калымдай.

– О, Калымдай! – обрадовался я и помахал ему рукой. Встать с дивана категорически не хотелось. – Как раз вовремя! Столько дел накопилось, столько дел... Маша, нам с майором обсудить надо кое-что, ладно?

Маша зашипела и гордо вскинув головку, удалилась в свою комнату. Она, так же как и я, да и Михалыч, жила при Канцелярии в отдельной комнате, в которой сразу из кабинета можно было уединиться и поворчать на злого начальника, не опасаясь репрессий.

Калымдай вытянулся по швам и уже распахнул, было, рот для официального приветствия, как я перебил его, погрозив кулаком:

– И ты туда же? У деда нахватался? Завязывай, ладно?

– Ишь, скромный какой, – кивнул на меня Михалыч, протягивая Калымдаю кружку с чаем. – А ить Кощей-батюшка живо бы башку снёс, если фамильярничать с ним вздумали бы.

– Федор Васильевич, – Калымдай завис рукой над тарелкой с пирожками, выбирая повкуснее, – я ребят своих тут рядом расположил, как и договаривались. Всю роту. Будут какие-нибудь приказания?

– Пока тишина, Калымдай, – я потянул из коробки сигару и задумчиво покрутил её в пальцах. Курить не хотелось совершенно. Вот же... Раньше бегал к Кощею, выклянчивал и сигары и коньяк... Один раз повезло – выпросил сразу ящик коньяка для протирки контактов

и кучу сигар, отгонять злых духов от компьютера во время ремонта, а сейчас, вот оно добро под носом лежит, а не хочется.

– Ребята мои совсем мхом поросли от безделья, – Калымдай кивком попросил деда подать блюдечко с мёдом. – Ага, спасибо, Михалыч... Так я их сейчас гонять буду, вот и думаю, а может и Аристофановых ребятишек к нам подключить? Им полезно будет.

Так... Наверное, пора вам опять немного дать объяснения, кто есть кто, а то запутаю я вас. Я могу.

Сначала Маша. Как вы поняли, она у нас вампир. А звать её вовсе не Маша, а Мирослава. Это сербское имя. Ну, красивое же, верно? А Маша требует себя называть на французский манер Марселиной, за что сразу и заработала русское имя. Просто так, из вредности. И да, она вегетарианка. Кощей что-то наалхимичил с ней, пытаюсь превратить её в супер-солдата и вот вам результат. Хотя Маша и без всякой алхимии может запросто уложить десяток-другой простых солдат, но Кощея тогда накрыл очередной приступ гениальности и вот, получите, распишитесь. Но она у нас хорошая, не подумайте. Только капризная немного и влюбчивая.

А вот Калымдай, он без комплексов. Скажут убить – убьёт не задумываясь. И это не шутка. Сам он родом из шамахан, а это, в свою очередь, такие бандиты Кошеевы, с виду монголо-татары, только с рогами и хвостами, а по повадкам так еще и хуже, но Кощею преданы как никто другой. Откуда они взялись, я понятия не имею. Возможно, Кощей их вывел в ходе своих безумных экспериментов, но это не бесы точно. Про бесов я тоже коротко объясню, только про Калымдаю закончу. Калымдаю повезло – он попал в военную академию имени Кощей и вышел из неё эдаким бравым офицером, растеряв шамаханскую дикость и убогость, а приобретя взамен хорошие манеры и отличную военную подготовку. Честно говоря, на нём только и держались наши совместные операции, коими нас озадачивал Кощей. А да, чуть не забыл. У него в подчинении была сотня шамахан, которых он вышколил, обучил и выдрессировал так, что получил в итоге самый настоящий спецназ. Эту сотню мы решили на время моего вынужденного правления, передислоцировать во дворец, просто так, чтобы под рукой была, ну и для солидности. Они и заняли большую комнату рядом с Канцелярией, а по другую сторону от моей двери была еще одна казарма, где располагались бесы Аристофана.

Замучил я вас? Потерпите еще совсем чуть-чуть, а то не поймёте, о ком я рассказываю, а я себя буду чувствовать не Достоевским, а каким-нибудь дилетантом, не способным донести до читателя даже элементарных образов персонажей своего рукотворного литературного памятника.

Аристофан – это бес. Самый натуральный такой, с рогами и хвостом. Роста он невысокого, да, как и Калымдай, впрочем, но очень крепкий, почти квадратный. Аристофан командует моей официальной группой быстрого и вредного реагирования из двадцати таких же бесов, только потупее. Бесы очень полезны для создания паники, народных волнений и для любых драк. Кроме того они умеют каким-то своим бесовским способом моментально под землей передвигаться на большие расстояния. Ну а по жизни они – настоящие бандиты. Украсть, обмануть кого-нибудь, ограбить, а деньги прогулять – это их призвание и стиль жизни. Правда у меня в Канцелярии им сразу популярно объяснили, что тут их шуточки не пройдут и не сразу, но я всё-таки получил в свою команду вот такой вот бесовской отряд.

Уф-ф-ф... Всё вроде. Но вы не расслабляйтесь, если я про кого забыл, то потом всё равно расскажу. Михалыч, Маша, Аристофан, Калымдай... Два бесёнка, Тишка да Гришка, ну это не считается, они у деда вместо котят. Всё вроде бы... Ох, нет! Дизель! Чуть не забыл, хотя, попробуй про него забыть – вон он, скрипит себе в своей генераторной, аж уши в трубочку сворачиваются.

Дизель – скелет. Их тут много во дворце, но Дизель у меня особенный. Он в Канцелярии с самого первого дня крутит ручку генератора за неимением солярки, а генератор подает питание уже на компьютер. Дизель у нас знаменитость среди местных скелетов. Стоит ему выйти из

кабинета, как тут же появляются его собраты и с обожанием смотрят на него. Дизель – настоящий патриот Канцелярии и как-то даже пожертвовал жизнью, защищая компьютер от посягательств Кощея, за что и был разнесён им на косточки. Восстановили потом, конечно и за этот героический подвиг, да и просто, чтобы отличать его от других скелетов, я нарисовал Дизелю на лбу красным фломастером знак радиационной опасности, а другие скелеты как к божеству стали к Дизелю относиться после этого. А я просто привязался к нему и считаю своим другом. Только есть у Дизеля и минус, точнее – минусаще: Кощей его запрограммировал запускать генератор каждое утро в шесть часов, начало рабочего дня, видите ли, а звук, с которым трется друг о друга костяшки его скелета при быстром вращении рукоятки генератора... Звук обычного будильника – это колыбельная по сравнению с Дизелем. Даже теперь, обладая властью Кощея, я не могу перепрограммировать его, так и мучаюсь.

Сбили вы меня совсем со всеми этими персонажами... О чём там речь-то шла? А да, Калымдай предложил погонять вместе со своими парнями заодно и бесов Аристофана. Конечно же, я не стал возражать. А если что, у меня еще и личная гвардия в наследство от Кощея полученная по пятам ходит. Рыцари-зомби. Очень, знаете ли, эффектные и эффективные ребята. Ну да бес с ними, надеюсь, не понадобятся. Но проявить себя они могут в любой момент, вот как сейчас, например.

В дверь поскреблись, а потом она распахнулась и явила нашему взору дворецкого Гюнтера, устало-обреченно висящего в мощных руках рыцарей, охранявших Канцелярию с той стороны двери.

– Ваше Императорское Величество, – тем не менее, торжественным как всегда голосом, провозгласил Гюнтер, – в тронном зале собрались ваши верные слуги, нижайше просящие вашей справедливости на суде. А через час у вас назначена встреча с господином Бульктерьером, послом морского царя Его Величества Морифанта Седьмого.

Не хочу. Вот не хочу и всё тут. Надоели эти государственные дела, сил моих нет.

– Иду, – я взял сигару из коробки помахал ей, – сейчас перекурю и приду.

И чтобы меня никто не заподозрил в оттягивании неприятного момента, пришлось на самом деле закурить. Из кончика пальца вырвался огонёк и я запыхтел крепкой и совсем не вкусной сигарой, мысленно отдавая приказ личной гвардии отпустить Гюнтера.

Ну, да, так я тоже теперь умею. И прикуривать от пальца и мысленно управлять всеми тридцатью рыцарями-зомби и еще кое-что, так, по мелочи. Эти умения мне от Кощея в наследство достались. Не сразу, а эдак потихоньку проявляться начали. Я первый раз жутко испугался, когда вот так же прикурить хотел, а палец как зажигалка сработал. Целый консилиум местных специалистов по колдовству собрал и только когда древний колдун Лиховид Ростиславович объяснил всё, чуть-чуть успокоился. Нормальное дело оказывается. Дворец подстраивается к новому Кощею, а я он и есть по факту, и возникает такая связь колдовская. Я и вникать в это не хочу, не интересно. Ну могу я почувствовать теперь, как бесы топчут по коридору, сперев с кухни свиной окорок, ну и что? Радости с того никакой, одно только раздражение и так обессиленного организма.

– Деда, – позвал я, разгоняя рукой едкий дым от лица, – готовь мой карнавальный костюм, чтоб его.

– Уже, внучек. Вставай, одевать тебя будем.

– Я не нужен вам пока, Федор Васильевич? – спросил Калымдай. – Я тогда пойду, погоняю парней своих.

Кивнув ему и затушив сигару, я со вздохом поднялся и отдал себя на растерзание Михайчу. А тот уже держал в руках серый плащ с большим капюшоном:

– Давай, внучек, занырявай. А что енто ты ложку свою амулетную не одел?

Что, правда? Да, действительно, забыл. В первый раз за два месяца. Я сбегал в свою спальню и, взяв со стула около кровати, небольшую медную ложку на простой веревке, повесил

её на шею. Это мне Кошей выдал при расставании. Стукнешь ей раз по любой твердой поверхности и вызывай Горыныча, да приказывай ему. Хорошая штучка, хотя таскать её с собой все время нужды не было, но я таскал. В память о Кошее и как талисман наудачу. Да и просто прикольно было по дворцу шататься с ложкой на груди. А вот такие заскоки у царя-батюшки, а кто слово скажет, того сразу же на вылизывание сортиров. Для первого раза.

– Давай, дед, напяливай на меня балахон этот, – вздохнул я.

– Чаво вздыхаешь? Хорошая одёжка получилась. Всем нравится, да и паразитам моим, Тишке да Гришке, спать на ей больно удобно.

– Ну да, – фыркнул я, – для твоих бесенят и заказывали.

– Жалко тебе, Федька?

Гюнтер у дверей поморщился. Как же, царя-батюшку, да так по-простому, по имени обызывают. Ничего, потерпит. Я же его терплю. И кстати, теперь терпеть заносчивого и противного... нет, не так, вот так: пра-а-отивного Гюнтера, мне стало гораздо легче. Раньше он меня просто раздражал своим высокомерием, а после того, как Кошей на банкете в честь победы над Вельзевулом, отпустил про меня идиотскую шуточку, да с лёгким таким нетрадиционным уклоном, Гюнтер вдруг расцвел с совершенно неожиданной стороны и стал доставать меня повышенным вниманием к моей персоне. Как тогда издевались мои милые сотруднички надо мной... Сейчас же, когда я сам стал Кошеем, Гюнтера как подменили и никаких намёков на любые личные отношения он себе не позволял. Наверное, единственный плюс в моём нынешнем положении.

Плащ в этот раз одели быстро, уже приловчились, и я скомандовал:

– Теперь, шлем... чтоб его...

– Да ладно, внучек, не капризничай, полезная штука... Подставляй башку... ага, так... Вот так от!

Шлем мы позаимствовали от знакомого мне уже рыцарского доспеха. Ничего такого особенного, обычный шлем в форме волчьей морды, но были у него и важные качества, ради которых я и соглашался таскать на себе этот кошмар. Во-первых, он, само собой, закрывал моё лицо. Придворные и так хорошо меня знали, а вот гости, ну там, послы, представители зарубежных синдикатов, всякие там Иван-царевичи в поиске приключений и тому подобная публика, крайне удивлялись, завидев моё прекрасное, благородное, привлекательное (ну, вы поняли, какой я красавчик, да?), но неподобающе юное для Кошея лицо. А во-вторых, шлем прекрасно искажал голос. До голоса Дарта Вейдера я не дотягивал, но впечатление всё равно производил. Хотя вся Канцелярия долго хохотала в первую примерку и просила спеть песенку. Им-то смешно, а мне в этом железе париться, да еще и пирожок, который заботливый дед сунул мне в карман, не съесть – забрало не открывалось и шлем можно было снять только целиком.

– Ну, я пошёл, – проговорил я в шлем, поправляя висящую на груди ложку.

Дед хихикнул, а потом завопил:

– Стой, внучек! Капюшон забыли накинуть.

– А да, верно... Ну всё? Ну, давай, дед, не скучай тут без меня.

– Соскучишься тут, – пробурчал дед и принялся собирать миски со стола.

Гюнтер гордо вышагивал впереди, а позади маршировали рыцари-зомби в своих черных доспехах, черных плащах и с черными же мечами на поясах. Причем, после каждой развилки коридоров, к ним прибавлялись еще два рыцаря, охранявших все подходы к Канцелярии.

– Гюнтер! – заорал я, резко останавливаясь. – А почему там бардак? – Я указал на небольшой зал, мимо которого мы шествовали. – Я же русским по-белому приказал, чтобы порядок тут навели, по крайней мере, мусор убрали. Что мне самому за уборщиками бегать и упрашивать?

– Виноват, Ваше Величество...

– Еще бы!

– Будет исполнено, Ваше Величество.

– Смотри у меня! – роль грозного царя-батюшки у меня получалась всё лучше.

А бардак, да, я понемногу стал ликвидировать во дворце. Меня с первого дня, как я тут оказался, просто шокировали горы мусора в залах и в коридорах. Кое-где приходилось по стеночкам пробираться, так как последние тропинки, были уже завалены мусором. Кошею, может быть, это и было пофиг, а меня контраст комнат с золотым паркетом или отделкой стен драгоценными камнями и тут же горами мусора, сильно раздражал.

В тронном зале рыцари, моментально взяв меня в коробочку, зашагали к трону, совершенно не обращая внимания на зазевавшихся, а теперь разлетающихся с нашего пути придворных или совсем уж раззяв, жалобно попискивающих под сапогами рыцарей. Я же, уже привыкнув к подобным официальным выходам, тоже особо не оглядывался по сторонам, а шёл, резвясь, усиленно подражая сенатору Палпатину из «Звездных войн», когда он уже стал императором. Идею плаща с глубоким капюшоном я именно у отсюда и содрал, а теперь развлекался, имитируя его коронную походку, когда руки, согнутые в локтях, выставлены вперёд, а кисти безвольно так слегка покачиваются. Прикольно!

На трон я вскарабкался уже привычно, довольно ловко, хотя в первую свою попытку два месяца назад, дважды соскальзывал с него и милостиво позволял поднимать меня с пола.

Когда я, поелозив задом по сиденью, удобно устроился и замер, Гюнтер провозгласил:

– Его Наикошмарнейшее Императорское Величество, Великий и Ужасный, волею судеб – Кошей, милостиво соизволяет начать суд!

Я кивнул и махнул рукой мол, давайте, не тяните. И понеслось.

Скукотища жуткая. Владельцы двух стрип-баров в подземелье не поделили новую звезду, танцовщицу. Отобрал себе, чтобы по таким мелочам не отвлекали царя от государственных дел. Потом продам им же, кто больше заплатит.

Семейная пара двух призраков решила-таки развестись после шестисот лет счастливого брака. Детей нет? Ну и чешите, наслаждайтесь свободой, чего вообще ко мне припёрлись? Территорию поделить не можете? Ну, мужу левая часть дворца, жене – правая. Всё? Сами не могли договориться?

Жалоба с кухни на бесов. Спёрли весь стратегический запас высококачественной, болотной тины. Разберемся в рабочем порядке, можно было сюда и не приходить. Уж Иван Пальча я в обиду не дам. И морковку спёрли? Для моего рагу?! Поймать мерзавцев, всыпать им плейтей, да отправить в Тмутаракань за свежей морковкой и знать не хочу как, но чтобы завтра три мешка приволокли, лично проверю!

И вот так полтора часа. Ну, что за жизнь?

Когда жалобщики закончились, я устало наклонился к Гюнтеру:

– Ну что там еще?

– Посол от морского царя, Ваше Величество, – напомнил он.

– Введите гражданина посла, – удачно вспомнил я знаменитую фразу из кинофильма и в ту же секунду на меня рухнул потолок тронного зала.

* * *

Нет, и не надейтесь, назло всем я остался жив.

С постамента вдруг рвануло вверх что-то синее, и я оказался в полупрозрачном коконе, как киндер-сюрприз в яйце Фаберже. Силовое поле, самое натуральное. Или магический кокон. Или обзовите как угодно, но сработавшая защита спасла меня от неминуемой смерти. Как и Гюнтера, стоявшего рядом с тронном. А вот любопытствующим придворным, которые не успели рассосаться из зала после суда, совсем не повезло. Рыцарям-то что, они зомби, как привалило их, так и откопались самостоятельно, а всех остальных – в лепёшку. Грохот был потрясающий! Дворец немного трянуло, я поковырялся в ушах и прищурился, пытаюсь хоть

что-нибудь рассмотреть в клубах пыли. Силовое поле мигнуло и исчезло, и вот тут меня стала бить дрожь. У меня всегда так – в пиковый момент всё нормально, держусь, а потом начинается реакция.

– Это что такое было? – совершенно нормальным голосом, а вовсе не чопорным, официальным, протянул Гюнтер.

– Посла там не придавило? – слабым голосом поинтересовался я. – Еще нам международного конфликта только и не хватало...

– Разрешите узнать, Ваше Величество? – перешел на обычную манеру Гюнтер и, не дожидаясь моего согласия, спустился с постамента, растолкал уже взявших трон в кольцо рыцарей, оцетинившихся мечами, и полез через завалы тронного зала к выходу.

А ведь это трон меня спас. Я вспомнил, как накануне пленения Кощея, я как раз застал его в этом зале за заменой трона и еще удивился, но спросить в той суматохе так и забыл. Вот оказывается, что Кощей сделал другой трон, специально под меня и подогнал его под меня же, магически. Спасибо, царь-батюшка, не ваша бы забота и хана Феденьке.

В зал влетела Маша, сделала круг под потолком, который теперь представлял из себя голую скалу, плавно спикировала на постамент и внимательно окинула меня взглядом.

– Жив-жив, – успокоил я её.

В дверях зала показалась небольшая фигура и заорала:

– Федька! Внучек! Живой?

– Да живой, Михалыч, живой, – пробурчал я. – Дед ты там стой, сюда не лезь, а то поранишься еще об обломки.

– Пойдемте, мсье Теодор, – сказала моя вампирша, подхватывая меня и взлетая, – вам тут больше делать нечего.

Она мягко опустила меня около Михалыча и снова взлетела к потолку и принялась порхать кругами, внимательно осматриваясь.

Притопавшие рыцари-зомби снова окружили меня, попытавшись оттеснить Михалыча, но тот так цыкнул на них, что больше попыток разделить нас не последовало и мы вышли в коридор.

– Федор Васильевич, – подскочил к нам Калымдай. – Моя рота и подразделение Аристофана стоят в оцеплении в ближайших коридорах, мышь не проскочит.

– Да сейчас-то толку с того? – махнул я рукой. – Гюнтер! Что там с послем?

– Цел водоплавающий, – отмахнулся Михалыч. – Унесли уже.

– Унесли?!

– Не извольте беспокоиться, Ваше Величество, – подошел Гюнтер. – Посол цел, бригада медиков-кикимор взяла посла под свою опеку.

– Штоф самогона с валерьянкой влейте и будя с него, – проворчал дед. – Пошли отсюда, внучек.

– В Канцелярию, – скомандовал я и повернул голову к шагающему рядом Гюнтеру: – Гюнтер, там надо порядок...

– Будет исполнено, Ваше Величество, – прервал он меня. – Восстановительные работы начнутся сразу после ухода следственной бригады.

– Не перебивай царя, – пробурчал я для проформы. – Молодец.

– Виноват, Ваше Величество. Спасибо.

– Ладно, давай команду тут. Я буду в Канцелярии.

* * *

В Канцелярии была тишина.

Все сидели за столом, только Михалыч возился с самоваром да Дизель баюкал Тишку да Гришку на диване. Маша внимательно разглядывала наш потолок, Аристофан ёрзал, переполняемый эмоциями, а Калымдай задумчиво чистил ногти большим ножом.

Я посмотрел на коньяк, плескавшийся в моём стакане, взболтнул его и залпом выпил. Ух! Вещь! Полстакана великолепного алкоголя огнем пробежало по пищеводу, мягко опустилось в пузо и вдруг взорвалось приятной обжигающей вспышкой. Есть всё же нечто в народной медицине. Стресса как такового я не чувствовал, дрожь охватившая меня еще в зале давно улеглась, но от коньяка я отказываться не стал в профилактических целях и теперь, расслабившись добродушно и лениво размышлял. Повезло, вот, просто взяло и повезло. Нет спасибо, конечно Кощею за его заботу, но если бы я не сидел на троне, а только подходил к нему? Всё – плач, стоны по всему царству и демократические выборы нового царя, за которыми я буду наблюдать уже в виде несчастного, но очень симпатичного приведения. По факту это же второй день рождения и есть повод отметить это дело!

Я уже было открыл рот, чтобы предложить устроить внеочередной праздник и был неприятно удивлён мрачным выражением физиономий моих коллег.

– Вы чего такие? Тут радоваться надо. Это ж так везет не каждый день. Предлагаю провести сегодня торжественное мероприятие по случаю счастливого спасения!

Маша вздохнула, Калымдай хмыкнул и отвёл взгляд, Аристофан впечатал кулак в стол, а дед только жалостливо погладил меня по голове.

– Так... Ну и что я опять проглядел? – обвёл я взглядом соратников. – Ничего не понимаю.

– То-то и оно, внучек, – Михалыч водрузил на стол самовар и, шагнув к комоду за кружками, бросил через плечо: – Федьке больше не наливайте.

– Да что случилось-то?! Объяснит мне кто-нибудь?

– Видите ли, Федор Васильевич, – размеренно начал Калымдай, подозрительно разглядывая кружку, поставленную перед ним, – дворец Кощея-батюшки – очень сложное устройство, ничего с обычным домом не имеющее. И просто в принципе невозможно, чтобы вот так, без всякой причины упал потолок или, там, обрушились стены.

– Вот как? Ты хочешь сказать, что происшедшее было не случайностью?

– Именно, – Калымдай бросил разглядывать кружку и подставил её под носик самовара. – И было бы неплохо разобраться, что именно произошло.

– А Гюнтер, – вспомнил я, – что-то говорил про следствие... У нас и следственная бригада имеется? Круто...

– Чаво тут только нет, внучек, – отмахнулся дед. – Набрал царь-батюшка дармоедов...

Я набрал в лёгкие воздух и заорал:

– Гю-у-унте-э-эр!!!

Маша наморщила носик, а я только ухмыльнулся. Это я быстро схватил: стоит заорать или высунуть голову из двери и позвать и через пять минут вызываемый уже стоит пред моими светлыми очами. Или это дворец как-то реагировал, передавая вызов, а скорее всего – кто-нибудь из слуг постоянно ошивался неподалёку и звал нужного мне человека. Или не человека. Не важно. Тем более что пришел Гюнтер:

– Ваше Величество?

– Что там со следствием?

– Закончили, Ваше Величество. Прикажете позвать?

– Ну, яшень пень. Зови, в смысле.

Следственная бригада представляла из себя весьма пожилого беса в строгом костюме европейского покроя, с пенсне на пяточке и щегольской тросточкой в лапках, ничего подобного я тут не видел ранее. Второй в Канцелярию вошла очень высокая и невероятно худая кикимора в обычном сарафане, но на пару размеров больше, чем нужно. И третьим, очевидно главой бри-

гады, влетел наш старый знакомец, древний колдун Лиховид Ростиславович. Довольно мерзкий старикашка, обитающий теперь в виде призрака и сующий свой нос повсюду, но крайне полезный, когда дело доходило до знаний по древнему колдовству дохристианских времён.

– Ну, чем порадует меня многоуважаемая компания? – я с сожалением глянул на пустой стакан и потянулся за кружкой чая.

Пожилый бес выступил вперёд и вполне так грациозно поклонился:

– Ваше Наикошмарнейшее...

– Ближе к делу, – прервал я его. Им только дай волю, сорок минут будут перечислять титулы и почетные звания.

– Как угодно, будет Вашему Величеству, – снова поклонился бес. – После произведенных исследований, следственной бригадой было установлено...

– Куды?! – заорал вдруг Лиховид так, что все подпрыгнули от неожиданности. – Куды лезешь поперёд старшего?! А ну, пшёл взад!

Бес пожал плечами и отступил назад, к кикиморе.

Колдун принялся расхаживать под потолком по воздуху, смешно перебирая в пустоте ногами:

– Я тебе Федька так скажу...

– Гхм! – намекнул Михалыч.

Колдун неприязненно покосился на деда:

– Я тебе царь-батюшка, так скажу: без колдунства, чёрного, да страшного тут не обшлось!

– Вот как? – я пригорюнился. Только этого мне и не хватало. – Весело...

– Чаво ж тут веселого?! – взъярился вдруг Лиховид. – На земли Кошечевы беда надвигается, а он тут сидит, веселится!

– Михалыч, – попросил я, – выведи старого дедушку в коридор, раз он себя вести не умеет в присутствии высокопоставленных лиц, узнай, чего он там вызнал, а потом мне расскажешь. Остальным членам следственной бригады – благодарность. Спасибо, товарищи, можете идти.

– Чаво?! – завопил Лиховид. – Меня, да пинками на двор?!

– В коридор, – уточнил я. – Идите, дедушка, не нервничайте нас... А в следующий раз вообще развеять прикажу, понял, старый хрыч?

Лиховид поперхнулся, поворачивал глазами и махнул рукой:

– Пошли, Михалыч, – он поплыл к двери, не переставая ворчать. – Вот отроки нынче пошли! Учишь их, учишь, а они заместо благодарности...

Голос затих и растворился за дверью. Терпеть его не могу!

В дверь снова постучали и рыцари, поспешно распахнув её, впустили в Канцелярию Иван Палыча, нашего шеф-повара. Ну, понятно, какой дурак будет отношения с кухней портить, зомби, они тоже кушать хотят.

– А, Иван Палыч! – обрадовался я. – Заходите-заходите, присаживайтесь!

Мы с Иван Палычем большие друзья, как сойдёмся у него на кухне в жарких баталиях по поводу рецептов, хоть водой разливай! Иван Палыч, кстати, на самом деле чистопородный француз, Жан-Поль де Бац, но у нас его так называют на русский манер, а он и не против. У нас с ним уже несколько месяцев наиважнейший проект идёт, никак завершить не можем. Рассказал я ему как-то про салат оливье, ну и загорелись на пару, тем более что Новый год не за горами. Всё у нас отлично получилось, Иван Палыч даже зеленый горошек к праздникам закатал в банках, а вот майонез ну никак не получается, хоть застрелись. И казалось бы, чего там такого в этом майонезе? Все ингредиенты под рукой, а никак.

– Простите, Федор Васильевич, никак не могу задерживаться у вас, тартифлет в духовку поставил, боюсь, пригорит. Однако же я к вам ябедничать забежал и, увы, мне это никакого удовольствия не доставляет.

– Что у вас случилось, Иван Палыч?

– Совершенно невообразимая вещь. Вы не поверите, но с самого утра все печи, духовки, плиты, всё-всё, работает на половине жара. Ставлю сковороду с мясом, огонь, как обычно большой, а мясо никак не жарится, а будто тушится. Я уже и проверял-перепроверял, один и тот же результат. Крайне неудобно. Вы не могли бы дать распоряжение кому-нибудь, Федор Васильевич, пусть разберутся?

– Немедленно, Иван Палыч, – заверил я шеф-повара.

– Благодарю, и позвольте откланяться, Ваше Величество?

– Иван Палыч, – попросил я, перед тем, как отпустить его, – напомните мне, пожалуйста, попозже о сгущенке, ладно? Совсем замотался, давно хотел с вами обсудить.

– Сгущенка... – просмаковал новое слово Иван Палыч. – Новое блюдо? Непременно, уж и не сомневайтесь!

Он у нас большой энтузиаст и фанат своей работы. Уважаю таких.

Иван Палыч ушел, а повернулся к своим:

– Надо бы подсуетиться, какую-нибудь ремонтно-техническую бригаду на кухню... Что? Что опять не так?

– Месье Теодор, – вздохнула Маша, – не бывает так, чтобы во дворце работало годами что-нибудь нормально, а потом в один день перестало. Абсурд, компре ву?

– Эээ... на что ты намекаешь, Машуль?

– На странные совпадения, мсье Теодор. И очень хочется в отпуск в дальние страны, просто душа рвётся.

Это она врёт, конечно. Какая уж душа у вампира? Но состояние тихой паники, а Маша, похоже, в него впадать начинает – верный признак больших проблем.

В Канцелярию вошел Михалыч, сел за стол и грустно посмотрел на меня.

– Дед, вот только ты меня еще не запугивай...

– А вот и придётси, внучек, – строго заявил дед. – Если верить этому старому хрычу Лиховиду, то кто-то начал нападать на тебя, Федь.

– Кто?! Зачем?

– Да вот, говоря по-сельскохозяйски, хрен его знает, внучек.

– Что-то мне не по себе как-то, деда... А что Лиховид-то говорит?

– Да плетёт плетёнку какую-то, про силы тёмные, могучие, злые, которые против государства нашего ополчились и с тебя, внучек, начать решили.

– Не ну нормально?! – я совсем уж загрустил и даже положил назад на тарелку пирожок. – Мне вот сил тёмных, а что особенно неприятно – могучих, не хватало... И что делать?

– Ты у нас – царь-батюшка, – хмыкнул дед, – тебе и решать.

– Ну, деда...

– Федор Васильевич, – вмешался в нашу беседу Калымдай, до этого внимательно наблюдавший за всем происходящим, – я думаю, что следует собрать больше данных, а потом уже следовать совету мадмуазель Марселины и уезжать в дальние края. Мы же только догадки строим, а что происходит на самом деле и не знаем. Да и происходит ли действительно нечто особенное? Вполне возможны и банальные совпадения... – он замаялся и махнул рукой, явно не веря самому себе.

Все задумались, а я встал и зашагал из угла в угол, по примеру Кошея, заложив руки за спину. Он всегда в такой позе выдавал интересные идеи, а вдруг и тут что-то колдунское, волшебное в этой походке?... Тьфу, ты! Так и с ума сойти можно.

– Давайте, так, – попытожил я, – сейчас не паникуем, выводы не делаем, а все силы бросим на то, чтобы понять, что происходит.

– Да нам ничего другого и не остаётся, внучек, – хмыкнул дед.

– Вот и я о том же.

И тут в дверь снова постучали.

– Ваше Величество, – послышался голос Гюнтера, – главный бухгалтер, Агриппина Падловна аудиенцию... Ох! Ух... Твою ж...

Снеся Гюнтера и обоих рыцарей часовых, в Канцелярию, как тяжёлый танк, грузно, но неотвратимо, протиснулась толстая пожилая кикимора.

– Агриппина Падловна! – я в восторженном удивлении всплеснул руками, – а вы всё худеете и худеете, как я посмотрю? Уже платье висит на вас... Это же никаких денег не напастись всё время гардероб свой ушивать! Вы уж, как будет минутка свободная между квартальными отчётами, ну напишите мне рецептик своей диеты, я тоже так хочу!

Главбух наша, ну очень объёмных форм, страдала от избыточного веса, и постоянно сидела на жутких диетах вроде болотного ила вперемешку с торфом, что ей особо не помогало, но мне всегда удавалось разводить её на банальную грубую лесть. Вот и сейчас, довольно улыбнувшись, она спустила пар и разрушительная её активность снизилась минимум наполовину:

– Федя, – пробасила она, задумалась и попыталась исправиться: – Ваше... как его? Величество, штоль?

– Для вас, Агриппина Падловна, можно просто – Федя, – льстиво вставил я.

С бухгалтерией лучше не ссориться, хоть последнему дворнику, хоть первому царю, это я давно тут усвоил.

– Федя, – кивнула главбух, швыряя кипу исписанных листов на стол. – Ну, что, Федя, полный лимит нам пришёл.

– Чего-чего?... – протянул я, но по тону уже догадываясь, что ничего хорошего нам не пришло.

Кикимора вдруг сдулась, будто воздушный шарик от выстрела Пяточка, осела на лавку и, отведя взгляд в сторону, хрипло прошептала:

– Дебет с кредитом не сходятся...

– Беда... – тоже прошептал я, пораженный невиданным доселе зрелищем – растерянной, смущенной и подавленной Агриппиной Падловной.

– Беда, – кивнула главбух, – я тыщу раз сверяла, перепроверяла, подсчитывала, а не сходится и всё тут.

Я очень далёк от понимания бухгалтерских процессов и все эти термины, которыми меня заваливала Агриппина Падловна, пытаюсь объяснить проблему, понимал, хорошо если один из трёх, да и то, так, интуитивно. Но в целом ситуация складывалась подозрительно похожей на все те неприятности, которые рухнули на меня сегодня, начиная с потолка тронного зала: в бухгалтерии произошло нечто такое, чего произойти в принципе не могло.

– Я ж уже сто семьдесят шесть лет главбухом у царя-батюшки работаю, – всхлипывала пожилая кикимора, – и ни разу такого не случилось, шоб квартальный отчёт сдать не шмогла!

– Ну, Агриппина Падловна, ну не переживайте, ну не сошлась у вас сумма... сколько там?... Шестнадцать грошиков? Ой, ну какая мелочь!

– Федя, да не в сумме дело-то! – вскинулась главбух. – Просто быть такого не может!

– Ну-у-у... Ну, давайте с другой стороны взглянем. Ну, не сошлось и как это сейчас повлияет на работу бухгалтерии?

– Бухгалтерия не сможет продолжать работу, – она посмотрела на меня как директор школы на первоклашку. – Никаких счетов, никаких доходов-расходов, никакой зарплаты, пока не подпишут квартальный отчёт.

– Не будет зарплаты? – встрепнулся Михалыч. – Внучек, надо что-то срочно решать!

– Агриппина Падловна, – я отмахнулся от деда, – а кто подписывает отчёт? Ну, кому вы его сдаёте-то?

– Ну как же?! – удивилась бухгалтерша. – Кошей-батюшка и проверяет и подписывает.

– Ну и в чём проблема? – я облегченно улыбнулся. – Где подписать надо?

– Вот тут, – главбух ткнула корявым пальцем в какую-то строчку. – Только так нельзя же...

Но я уже выводил фломастером размашистую роспись. Едва я закончил, как лист подёрнулся рябью и на секунду окутался синеватым облачком.

– Прошло... – благоговейно прошептала Агриппина Падловна.

– Всё в порядке?

Агриппина Падловна, в спешке собирала листы со стола, а потом встала, внимательно посмотрела на меня и... поклонилась. Вернее – попыталась поклониться, но из-за объёмов сделать это было очень затруднительно, но жест я оценил.

– Все бы проблемы так решались, – облегченно вздохнул я, когда главбух покинула нас, – да, Михалыч? Расписался и порядок!

– Какой ить порядок? О чем ты, внучек? – дед озабоченно почесал в затылке, а Маша с Калымдаем неодобрительно посмотрели на меня.

– Думаете это из той же серии невозможных происшествий? – озаботился я. – Опять кто-то под Кощея копает?

– Под тебя, внучек, – поправил дед.

– Ладно, давайте пока не паниковать, – заявил я. – Посмотрим, как и что дальше будет, может, совпадение банальное.

Дальше было не так драматично, но до самой ночи приходили вести о мелких неприятностях. Действительно, мелочь, ну там, монстрик один взорвался. Просто так, бежал по коридору по своим делам и раскидало бедолагу по стенам. Как? Почему? Ничего не понять.

В художественной галерее рассыпалась в пыль античная композиция «Зевс, в облике белого гиппопотама, соблазняет Диониса в облике розового фламинго». Тут можно только порадоваться гибели непревзойденного шедевра. Правда, Гюнтер наверняка горевать будет, но ничего, переживёт.

В коридоре рядом с конюшней, погасли все факелы и зажечь их так и не удалось. Принесли другие факелы – включились сразу, работают как от сети, без проблем.

Приходил начальник отдела кадров, он же по совместительству экономист, ну, то есть собиратель доли со всех лихих людишек, так он вообще пожаловался, что все личные дела сотрудников на букву Еры, это «Ы» по-нашему, кто-то сожрал прямо у него на глазах. Просто открылся шкафчик картотеки, оттуда в воздух поднялись папки с делами и с чавканьем стали по кускам исчезать неизвестно в ком. Ни запущенный скоросшиватель, ни веник, ни даже личное оружие в виде двуствольного пистолета, никакого эффекта на невидимого обжору не произвели.

Ну и дальше всё в таком же роде. Главные ворота перестали открываться, а через час снова заработали без всяких видимых причин. Один из бесов стал оранжевым и начал светиться в темноте, спасла ударная доза самогонки. У завхоза чернила превратились в камень, и он не смог подписать накладные. В библиотеке, прорвав гранитный пол, за каких-то пять минут выросло вишневое дерево. Мне даже на пробу вишни приносили, нормальные, вкусные.

Поздним вечером мы опять собрались в Канцелярии и все опять же были довольно подавлены и крайне уставшие. Нелогичность происходящего выматывала почище разгрузки вагонов с углём. Нет, не разгружал и не хочу даже пробовать, но вполне представляю, что такое тяжёлый физический труд. Мне от деда минимум три раза в день приходится отбиваться – завтрак, обед и ужин, да еще и его нескончаемые перекусы, так что, про физический труд можете мне не рассказывать.

Никаких новых идей или гениальных планов ни у кого не появилось, и я уже было собирался объявлять отбой, как от рыцарей у двери пришел сигнал, что очередной проситель заявился и нижайше просит принять. Лиховид! С ума сойти – не врывается, как обычно сквозь стену, а вежливо так, по этикету.

Старик вплыл медленно и как-то даже рассеяно. Он был мрачен, малоразговорчив и, хотя и посматривал по сторонам, явно выискивая Олёну, к которой питал неоднозначные чувства и страсти, спрашивать про неё не стал, что было уже совсем на него не похоже.

– Лиховид Ростиславович, – вывел я его из раздумий, – что у вас?

– У меня-то, Федор Васильевич, ить всё в порядке, мне-то бояться неча, а вот тебе...

– Узнали что-нибудь новое?

– А вот и узнал! – колдун завис над компом, но неприязненно покосившись на него, отлетел к дивану. – Силы тёмные, страшные и могучие идут.

– А поконкретней, дедушка? Кто такие? Откуда взялись? Насколько сильные? Чего хотят?

Лиховид пожевал губами, будто в раздумье, стоит ли рассказывать нам, но вымолвил только:

– Айясанты.

– Чего? Это вы чихнули или выругались?

– Айясанты идуть.

– Лиховид Ростиславович, ну что вы как Аристофан на допросе? Каждое слово из вас тянуть надо.

– Давай, старый, не томи, – не выдержал и Михалыч. – Обскажи нам про ентих айясранцев.

– Айясанты, – поправил Лиховид. – Народец енто такой, зело злющий, со всеми во вражде. Я до вечера в старых книгах да свитках копался и нашёл-таки. А потом ишо припомнил, мне учитель мой, Мировид, обсказывал про ентих подземников...

– Подземный народ? – удивился я.

– Истинно, – мотнул бородою колдун. – На земле-матушке раньше жили, только воевали со всеми, а апосля и вовсе задумали всех сгубить и едины остаться. Однако же, сплотились тогда все народы лесные, да болотные, горные, да степные, и люди и нелюди и всыпали змеелюдам так, что удрали они под землю.

– Змеелюды? – Михалыч почесал в затылке. – Ить что-то я слышал такое...

– Все слышали, – отрезал Лиховид. – А знаю только я. В древних книгах писано, что тулово у них змеиное, а от пояса и выше – человеческое. Волос не имеют, да слепые от роду, зато мыслями туды-сюды кидаются меж собой и слов им не надоть.

– Телепаты, – понимающе кивнул я. – Неприятно, но не критично.

– Как они там меж собой болтают, нам без надобности, – отмахнулся Лиховид. – Однако мыслью же могут они проходы в земле рыть, горы рушить, да и воевать, ежели захотят. А они захотели. По всему выходит, что порешили они снова своё могущество на всю землюшку распространить. А выйти из ходов своих подземных, здесь надумали.

– Почему именно тут? – удивился я. – Мало им места что ли?

– Где тонко, там и рвётся. Учюяли слабину и давай наверх пробиваться.

– Чего это «слабину»? – обиделся я.

– Ты, Фёдор, обижайси, не обижайси, а ить не Кощей ты всё ж, – вздохнул Лиховид. – Колдунства в тебе нет, вот они и попёрли.

– Это да... – я оглянулся на соратников. – Что делать будем? Бежать в Турцию – не предлагать.

– Мало данных, – поморщился Калымдай. – Ничего про них не знаем.

– Что хочешь ведать, воин? – вскинул бороду Лиховид. – Воспрошай, что знаю – скажу.

– Численность этих змеелюдов, во-первых.

– Никому не ведомо, – протянул колдун. – Однако тысячами считать надо. Расплодились они за века.

– Колдовством владеют ли, дедушка Лиховид? – продолжал допытываться майор.

– Вестимо, владеют. Каждый не больно-то силён, но могут единиться силой и колдунство тогда больно грозным становится.

– Лиховид Ростиславович, – вмешался и я. – А вот потолок в зале обрушился, ну и прочие неприятности, думаете это их рук дело?

– Даже и не сумлевайся, Фёдор, – мрачно кивнул колдун. – На зуб царство Кошеево пробуют, слабину ищут.

– Ну и главный вопрос, – вздохнул Калымдай. – А как их побороть-то? В ваших книгах, дедушка Лиховид, нет ли подсказки какой?

Лиховид заулыбался, подплыл к Калымдаю и погладил его по голове призрачной рукой:

– От, богатырь, а не дурак! Правильно мыслишь, в корень зришь. Есть такое средство! Я как прочитал про него, так сразу к вам примчался. Вещица есть колдунская, тайная да древняя, «Змеиный царь», обзывается.

– Расскажите про неё, дедушка, – попросил Калымдай.

– Книга молвит, что в стародавние времена, когда в последний раз на ратно поле вышли айясанты супротив людей и нечисти всякой, то погнали енти айясанты супротивников своих и миг ихней победы был близок ужю. Малость поднажать осталось змеелюдам и правили бы они всем светом, да и рать людская тут дрогнула, веру потеряла, да выступил вдруг из людского войска старый волхв по имени Всемысл, да вскинул он к небу оберег древний в образе змея, да заклил его словом тайным и возопили от ужаса змеелюды, и покинула их Макошь, допрежде помогавшая им и рухнули они от горя злого и с воплями и страхом в сердце, ушли они под землю, даже не помышляя о битве.

– Ух, страшные в натуре у тебя сказки, дед... – прошептал Аристофан. – Конкретно мурашки по хвосту забегали.

– А где сейчас этот оберег, Лиховид Ростиславович, не знаете? – заинтересовался я. – Нам бы такая штучка в арсенале не помешала бы.

– Отчего ж не знаю? – хмыкнул колдун. – Знаю. После победы той над змеелюдами, собрались волхвы ведающие и порешили разделить оберег на три части, да спрятать их в тайные места, чтобы айясанты к ним подобраться не могли. Много веков с той поры прошло, но я, – колдун гордо подбоченился, – отыскал все три доли Змеиного царя!

– Михалыч, записывай! – скомандовал я. – Продолжайте, дедушка Лиховид.

– Глава на островке малом спрятана под остатками древнего капища, – начал перечислять колдун. – А островок тот, Зензик называется, между Тмутараканью да Корчевом искать надоти. Тулово али хребет издавна у морских царей хранитси. А очи в два яхонта, те другому подземному народцу, чуди, в сохран отданы.

– О, а у нас как раз посол от морского царя ошивается, – обрадовался я. – Можно сразу с туловищем вопрос разрешить.

– Это... босс, – оживился Аристофан. – Я в Тмутаракани бывал как-то в натуре. Мы с пацанами туда к местной братве реально на стрелку ездили. – Он почесал между рожками: – Конкретно здоровые они там.

– Влупили вам, бойцам конкретным? – ухмыльнулся Михалыч.

– Да хрен там, – засиял Аристофан. – Я десяток чисто в засаде еще держал, отбились.

– Возьмешься туда смотаться, Аристофан? – прервал я воспоминания беса.

– Без базара, босс. Реально пацанов возьму и рванём.

– Отлично. Завтра с утра и отправляйтесь. Чего тянуть?

– Федор Васильевич, – поднял руку Калымдай. – А я с ребятами своими могу к этой чуди сбегать. Только где искать-то их?

– Лиховид Ростиславович? – я повернулся к внимательно слушающему нас колдуну.

– На север путь воину нашему лежит, – задумался Лиховид, а потом выудил прямо из воздуха свою огромную призрачную книгу и стал с шумом листать её. – Мордва... не, енто не

они... Аримпасы... А, помню этих трехглазых, не они... Хазары... Та ещё сволота... Хохлы... А вот, чуди! Так-так... Верно, на север итить надоть... Ага, гора трёхглавая, а под ней как раз и они... Так что, майор, чеши на север и ищи гору тройную, под этой горой твои чуди и живут.

– А это далеко, Лиховид Ростиславович? – засомневался я. – Как пойдет Калымдай, да на полгода. Знаю я эти ваши расстояния сказочные.

– Не ведаю, – развёл руками колдун. – А итить всё одно придётси.

– Федор Васильевич, – встрепенулся Калымдай. – А чем у нас Горыныч сейчас занят?

– О, верно, молодец, майор! – обрадовался я. На Горыныче самое то путешествовать по сказочным путям. – Только ты бойцов много на Змее не разместишь.

– Да много и не надо, Федор Васильевич. Десяток возьму и хватит. Остальные и вам тут пригодиться могут, пусть в казарме наготове сидят.

– Десятка не мало будет? – усомнился я.

– Да мы же не войной идём, – хохотнул Калымдай. – Вежливо придём, вежливо попросим.

А если что, так и десятка хватит шороху там навести.

– Ну, смотри... – я снял с шеи ложку и стукнул ей по углу стола. – Горыныч? Горыныч, спишь что ли?

Из ложки послышался протяжный зевок и, судя по басу, правая голова, недовольно прогудела:

– Ну чего?

– Горынушка, сокол ты наш, уж не гневись, что я тебя беспокою, а не соизволишь ты, зверь сказочный чешуйчатый, сон свой богатырский прервать...

– Чего? – вмешался писклявый голосок левой головы.

– Ты Горыныч, охренел?! – заорал я. – Дрыхнешь, скотина?! Ты забыл, с кем разговариваешь?! Разожрался за осень, опух от безделья?! Отечество в опасности, а он морды там крутит, «чаво, чаво»!

– Федь... ты чего? – осторожно пробасила правая голова. – Случилось что?

– Случилось! Завтра на рассвете, чтобы как штык на полянке у ворот был, понял?!

– А куда летим?

– Куда надо! – отрезал я и снова грохнув ложкой, оборвал связь.

– Так ему, внучек, – ухмыльнулся дед. – Ишь, волю почуйствовал жаба крылатая!

– Деда, организуешь мне завтра с утра посла этого морского?

– На завтрак? – хихикнул дед, но тут же посерьёзнул. – Сделаем, внучек. Прямо в тронный зал и доставят его, не переживай.

– А потолок там уже починили?

– Сделают к завтраму, – кивнул дед.

– Тогда так и решим, – подытожил я. – Аристофан за головой в Тмутаракань рванет, Калымдай на Горыныче к чуди, а я здесь остаюсь, с послом пообщаюсь.

– А я, мсье Теодор? – влезла Маша.

– Пока Машуль, со мной остаешься, в резерве.

– А можно я тогда...

– Нельзя, Маш. Потерпи, никуда твой Кнут Гамсунович не денется.

– Ну вот...

– Раз всё решили, тогда давайте баиньки – на завтра сил всем много потребуется.

* * *

Разбудил меня вполне ожидаемо Дизель, ровно в шесть утра со скрипом и грохотом, начав вращать рукоять генератора. Я даже орать на него не стал, только по пути в ванную, махнул ему рукой мол, понимаю, работа такая. Когда вернулся, дед заканчивал расставлять

на столе тарелки, блюда, миски и мисочки, а Калымдай уже вертелся на лавке, нетерпеливо поглядывая на меня.

– Аристофан где? – зевнул я, подвигая к себе миску с варениками. – О, с творогом? Шикарно...

– Рогатенький наш уже умотал со своими бесами, – доложил дед. – Накось, сметанки, внучек.

– А хорошо... Калымдай, вареники будешь? А то я сейчас всё съем... У тебя яишенка? С колбасой?! Дед! А мне?!

– Вареники доешь сперва, – отрезал дед. – Нельзя, внучек еду перемешивать. Раз начал вареники, то яишенку и колбаску уже потом... И сало потом... И бутерброды с ветчиной тоже потом, не капризничай, внучек, ешь что дают.

– Деспот и тиран ты, дед, – прочавкал я. – Маша еще дрыхнет?

– Пушай спит, внучек. Тише будет, да и вареников тебе больше достанется.

– Иду-иду! – послышалось из Машиной комнаты. – И с вишнями вареники тоже мне оставьте. И сыр. И оладки. И варенье.

– Да поспите еще, мадмуазель Марселина, – торопливо жуя вареник с вишней, озаботился Калымдай. – Утренний сон, он самый... чавк!.. полезный.

Меня под столом с двух сторон подергали за джинсы. Тишка да Гришка.

– Ну чего, оглоеды? – хотя я и так знал чего – мультики просят включить.

Бесенята заверещали, жалобно маша лапками. Тишка приставил к голове два пальца и пошевелил ими, а Гришка яростно заклацал зубами. Понятно, «Ну, погоди!»

– Включи им, внучек, – заступился за бесенят дед, – ить не отстанут же, паразиты.

Как ветчинки Феденьке, так фиг, а как бесенятам мультики, тут хоть землетрясение, пожар и цунами, а вынь да положь. Включу, конечно, куда я денусь. Бесенята радостно запрыгали на моем кресле перед компом, а я вернулся к почти пустой миске с варениками и грозно посмотрел на Калымдаю, быстро жующего и с самым невинным видом, утирающего рот. Так и оголодать можно с этими работничками.

– Посла когда к тебе доставить, внучек? – спросил дед, забирая пустую миску и подвигая тарелку с бутербродиками.

– А что там с послом? – Маша, слегка помятая после сна, решительно оглядела стол. – А вареники где?!

– Спать меньше надо, – хмыкнул дед. – Не бойсь, не о твоём после речь. На-ка, сохранил тебе мисочку вареников, а то за этими жеребцами и не поспеть.

Жеребцы важно расправили плечи, не переставая жевать.

Наконец, когда тарелки и миски были подчищены, Калымдай погладил живот и тяжело икнул:

– Вот как сейчас в дорогу отправляться?

– А, понимаешь теперь мои страдания? – вздохнул я. – Вот так и живём...

– Ну, хочешь-не хочешь, а пора, – Калымдай с трудом поднялся с лавки.

– Погоди, – я тоже встал, – провожу тебя. Дед, я майора провожу и сразу в тронный зал пойду, пусть посла приведут.

– Понял, внучек, – кивнул Михальч. – Да ить и я с тобой. Тишка! Гришка! А ну, паршивцы, быстро посуду убирать и порядок наводить! И неча верещать! Потом свои мультики досмотрите!

– Мсье Теодор, я вас вместе с послом ждатель буду, хорошо? – Маша сытая и довольная держала кружку с чаем двумя руками.

– Хорошо, Маш... Дед, а где там мой плащ парадный и шлем этот волчий?

– Несу, внучек, несу...

Плащ я накинул сразу, а шлем тащил в руке. Не люблю я его. Потом перед тронным залом и напялю.

Калымдай прихватил десяток своих орлов из казармы, и мы дружно затопали по коридорам к выходу, распугивая своим грозным видом мельтешащих повсюду мелких монстриков и спешащих по своим делам скелетов.

На поляне перед дворцом переминался с лапы на лапу Горыныч.

– Фёдор, салют! – поприветствовали меня хором сразу три головы, а правая пробасила: – А чё такое-то, а?

– Здоров, Горыныч. А что тебе не так?

– Ну... наехал на меня вчера чего-то... орать начал... Нехорошо так, Федь... – вздохнула правая, выпуская облачко вонючего дыма.

– Та-а-ак... – я остановился перед мордами и стал раскачиваться с носка на пятку. – Я смотрю, ты и правда, Горыныч, страх потерял. Думал я, показалось мне вчера ан, нет. Вон морды какие наел, борзым стал...

– Ты чего, Федь? – пискнула левая голова. – Впроголодь живём, отощал вон весь. А ты куском хлеба попрекаешь?

– Куском хлеба? – я в восхищении покачал головой. – А подсчитаем сейчас, Горыныч, не переживай. Ну-ка, Михалыч, поправь меня, если собьюсь. Два месяца этот чешуйчатый по три коровки в день сжирал да шестью баранами закусывал и это не считая того, что ему корытами пареную репу да кашу таскали. А сколько вылетов ты, змеюка за эти два месяца сделал, а? Ты рожи не отворачивай! Сколько ты верст-часов налетал, а? Молчишь? Так я тебе скажу, бездельнику – ноль! Два месяца обжирал Кощея-батюшку, пузо на солнышке грел да зайцев по полям гонял для своего развлечения!

– Так его! – поддакнул Михалыч. – Развелось дармоедов на нашу голову!

– Так зима близко, – попятился назад Горыныч. – Холодно, калорий много надо...

– Калории – нужное дело, – согласился я. – Когда их есть куда расходовать. А расходует мы пока только капитал да на тебя, Горыныч и все впустую... Михалыч, скажи бухгалтерии пусть посчитают сколько этот бездельник сожрал за время простоя да вычтут у него из зарплаты, да про штрафы пусть не забудут... А ты, Горыныч, как-то хвастался, что у тебя пещера золотом и серебром забита? Это хорошо, будет, чем расплатиться...

– Ну, Федь... – заныл Горыныч. – Ну, Ваше Величество... Я ж, чего? Я разве против? Да я поработать всегда рад! Вот только скажи, что надобно, враз всё выполню!

– И выполнишь, – кивнул я. – Куда ты денешься? А только за наглость, поучить бы тебя надо... Помнится батюшка Кощей обещал тебе хвост как колбасу порезать?.. Дед, кликни там, пусть меч любимый принесут, выполню обещание Кощея!

– Меня?! Порезать?! – взревел Горыныч, вскидываясь на задние лапы и нависая надо мной.

– Ах ты, скотина чешуйчатая... – восхитился я. – Вот и ты показал свой облик подлый, Горыныч. Ты чего тут на дыбы подымаешься? Ты на кого, гад, бочку катишь?!

Горыныч вдруг выдохнул и медленно опустился на пузо, да еще и головы передо мной по земле раскидал. Я оглянулся по сторонам. Как-то незаметно и тридцать рыцарей-зомби и вся сотня Калымдая, тихо и деловито взяли Змея в кольцо и теперь спокойно ожидали приказа, ошестинившись мечами.

– Значит так, Горыныч. Сейчас отвезешь Калымдая, куда скажет, да делать будешь, что он тебе велит, а когда вернешься, отнесешь в бухгалтерию Агриппине Падловне мешок золота, скажешь – добровольный взнос на подарки сотрудникам к Новому году. Понял?

– Мешок золота?! – пискнула левая голова.

– Я сказал «мешок»? Ошибся, Горыныч, извини. Два мешка. Лично проверю! А хвост...

– Не надо хвост, – поднялась на длинной шее средняя голова. – Виноват, Федь, были не прав. Исправимся, чтоб мне одной морковкой кормиться! Ну чего ты, Федь? Чего между друзьями не случается, а?

– Паразит ты, Горыныч, – вздохнул я. – Вроде человек порядочный, а как занесёт тебя временами...

– Какой мы человек? – тоже вздохнула правая голова. – Змей я.

– Тоже верно... Я ведь, Горыныч, о тебе забочусь. Вернется вот Кошей-батюшка, да давай меня пытаться, как мол, дела тут шли, как слуги мои верные себя показали? Что мне ему говорить а, Горыныч? Что оборзел ты окончательно, что пользы от тебя царству никакого? Одни расходы, что в коровах считать, что во времени драгоценном, которое на тебя сейчас тратить приходится...

– Федь... Ну понял мы... Ага?

– Ага, Горыныч. Поверю я тебе в последний раз. Добрый я, понятно? И... фиг с тобой! Не два мешка золота в бухгалтерию сдашь, а всего один.

Расстались мы с Горынычем друзьями. Калымдай со своим десятком загрузился на Змея, махнул мне на прощание и рванули они напрямиком на север. Я же кивнул оставшимся бойцам да рыцарям и, напялив ненавистный шлем, отправился напрямиком в тронный зал. Шагать по коридорам в сопровождении такой свиты было неудобно, но я терпел – положение обязывает, а кроме того мало ли какую подлость могут еще эти подземные змеелюди затеять. Лучше наготове быть...

* * *

В тронный зал я входил с опаской разглядывая потолок. Вроде всё в порядке. Починили быстро, молодцы.

Я так и сказал Гюнтеру, уже поджидавшему меня около трона:

– Молодцы, быстро управились.

– Рады стараться, Ваше Величество, – коротко поклонился Гюнтер. – Велите допустить делегацию от морского царя?

– Давай, – кивнул я. – Чего тянуть?

Ребята Калымдая рассредоточились вдоль стен, а рыцари-зомби десятком стали вокруг трона, а остальные выстроились в две шеренги у дверей, готовые сопроводить посла ко мне.

Посол был не один, а со свитой, человек в двадцать. Приглядевшись, я поправил себя – не люди это. Может и люди только разновидность какая-то. Все в чешуе, глаза большие круглые, а носов почти нет, только две дырки над тонкой линией губ.

– Господин Бульктерьер, посол морского царя Его Величества Морифанта Седьмого! – возвестил торжественно Гюнтер, а из толпы дипломатических служащих гордо выступил вперед высокий... Ну вот как их называть? Рыболод? Человек-амфибия? Короче – высокий чешуйчатый мужик.

– Великий и могущественный морской царь, – заплямкал губами Бульктерьер, – грозный, но милостивый Морифант Седьмой, решил честь оказать Кошеею и прислал меня, слугу своего верного, для переговоров!

– Михалыч, – я обернулся к стоящему рядом деду, – это что за этикет такой странный? Честь Кошеею оказать, прислав эту воблу? Что-то я не понял...

– Борзеють, гады, – хмыкнул дед. – Чуют, что Кошеево царство не в силе, вот и на рожон прут.

– Радость-то какая великая, – обратился я к послу, – видеть тебя тут у нас, господин Бульктерьер. Охреть просто, какая радость. Ну и с чем пожаловали? Не Кемскую волость, надеюсь, просить будешь?

– Царь мой, великий Морифант Седьмой, будучи покровителем изящных искусств да тонким ценителем мировых музыкальных произведений, узнал, что у тебя, Кошей, есть волшебные гусли-самогуды.

– И чё? – я развалился на троне. Какой-то и правда наглый посол попался. Жаль его потолком вчера не накрыло.

– Морифант Седьмой, требует тебя, Кошей, отдать ему эти гусли!

– Вот прямо требует? – я подмигнул рыцарям-зомби и те тут же заломили послу руки, хорошенько так завернув их за спину.

– Что такое?! – завопил Бульктерьер, согнувшись чуть не до пола.

– На кухню его, Аквамена недорезанного, – приказал я. – Побалуем ребят ухой.

Посол чего-то там еще верещал, но я уже скомандовал мысленно рыцарям «В подземелье» и те скоренько выволокли чешуйчатого из зала.

– Государь, – из толпы посольской свиты вперед выступила тощая длинная дама. – Так ведь нельзя. Посол – личность неприкосновенная.

– Так я к нему и пальцем не прикоснулся, – пожал я плечами. – А ты сама кто будешь-то?

– Первый помощник посла, Ваше Величество, – поклонилась чешуйчатая. – Госпожа Морина.

А ничего так Морина эта, худющая, конечно, но всё при всём, опять же разговаривает вежливо, не загоняется как этот Бульктерьер.

– Вот с тобой, госпожа Морина, я и буду дело иметь.

– Благодарю, Государь, – поклонилась Морина. – А господин посол?..

– А это уж как шеф-повар наш, Иван Палыч скажет, – я развёл руками. – Если одобрит, то бесам скормим, а если мясо плохое, то велю в пруд его выпустить – буду по воскресеньям на рыбалку ходить. С динамитом.

Новоиспеченная посллица... ну, посол женского пола, вздохнула, а я ударился в философию:

– Ежели вот так рассудить, царь этот морской, ну кто он по сути своей есть? Амфибия – земноводное по-нашему. Лягушка, если уж совсем по-простому говорить, а, Михалыч?

– Истинно, батюшка, – кивнул дед. – Жаба он и есть.

– И это земноводное что-то от нас требовать пытается? Не верю. Вот не верю, Мориночка и всё тут, что такой мудрый царь и вдруг решил рискнуть и жизнью и всем своим царством ради удовольствия побахвалиться, да нос позадирать передо мной. Неужто царь твой, госпожа посол, не ведает, что стоит мне пальцами только щёлкнуть, как в море-окиян твой, с небес сера литься начнёт? Думаешь, не ведает? Думаешь, тупой он у тебя такой, а Морина?

– Не гневайтесь, Государь, – опять вздохнула Морина. – Смее утверждать, что господин Бульктерьер превысил свои полномочия и позволил себе высказывания, совершенно не совместимые с его положением, очернив, таким образом, моего государя Морифанта Седьмого.

– Вот смотрю я на тебя, госпожа ты моя Морина, – покивал я головой, – и удивляюсь – чего это сразу такую разумную даму послом не назначили? Ну, хорошо, так что там про гусли-то?

– Мой царь, Морифант Седьмой, действительно является заядлым меломаном, что благосклонно сказывается и на нём, и на придворных, и на всём нашем подводном царстве, – снова поклонилась госпожа посол. – Услышал он, что есть в вашем царстве, Государь, некая колдовская прелестная вещица, гуслиями-самогудами называемая и приказал мой царь попросить Ваше Величество продать или обменять их.

– О-хо-хо... – вздохнул я. – Ну вот чтобы вам на пару дней раньше не рассказать об этом? Я уже гусли-самогуды царю Гороху обещал, уж больно он за ними убивается – жить, говорит не могу без них, продай да продай. Так он мне надоел, Мориночка, что плюнул я и решил отдать их ему. Не бесплатно, конечно. Вещь-то редкая, старинной работы, сейчас таких днем с огнем

не найти... Эх, ладно! – я наклонился к Морине и доверительно тихо произнёс: – Не люблю я этого Гороха. Вот, не поверишь, Морин, достал он меня своими закидонами. То пьяный по улицам шатается, девкам городским подолы задирает, то кабак разнесёт, а то и всю Лялину улицу на уши поставит! А я потом хожу от стыда за него сгораю. Государство-то у нас одно. Хоть правлю-то я, а отдуваться за обоих приходится.

– Да-да, – с надеждой посочувствовала посол. – Ужасная ситуация, так нехорошо получается... И вы хотите этой бездари отдать такую ценную вещь? Он же пропьёт её, Государь, а то и просто сломает...

– Ну не отдать, а продать... А знаешь, госпожа посол, а ведь права ты. Недостоин Горох такой вещи ценной. Говоришь, царь твой очень себе хочет эти гусли-самогуды? Так забирай, пусть будет это моим жестом доброй воли и знаком вечной дружбы!

– Вы так щедры и так великодушны, Ваше Величество! – обрадовалась Морина.

Но тут влез Михалыч:

– Не, Кощей-батюшка, не гоже так!

– Что такое, Михалыч? – притворно удивился я и кивнул Морине, указывая на деда: – Господин Михалыч, мой первый советник, правая рука, ум, честь и совесть всего государства.

– Кто же не знает господина Михалыча? – поклонилась и ему Морина. – Дедушка Михалыч, а почему вы против?

– Не против я, внучка, – отмахнулся дед. – Ить только нехорошо, получается. Отдаст Кощей-батюшка гусли запросто так, будто со страху али дань твоему царю платит.

– О, верно, Михалыч, – задумался и я. – А ведь и так могут сказать мол, испугался Кощей, ценнейшие артефакты чуть ли не по первому требованию раздает... Эх жаль, Мориночка, хотел было от всего сердца подарок царю твоему сделать, чисто так по-братски...

– Ваше Величество, – заволновалась посол. – А не надо подарка. Чтобы никто не злословил, давайте мы купим у вас гусли-самогуды? Простая сделка между царями, ничего компрометирующего.

– Да что ж у меня денег нет что ли? – удивился я, а Михалыч утвердительно хмыкнул. – Эдак возьму я с вас копеечку, а вдруг слухи пойдут мол, обнищал Кощей, уже имущество распродавать начал...

– Ваше Величество, – обрадовалась Морина, – так если только за этим дело стоит, давайте мы обычный обмен подарками устроим? Вы нам гусли-самогуды, а мы вам ответный подарок какой?

– Да? Ну-у... Как думаешь, Михалыч?

– Дело, девка говорит, – кивнул дед. – Никто не придерётся. Ну, задарил один царь другому что-нить и что? Обычное дело.

– Ну и отлично! Теперь надо придумать, чтобы нам такого взамен потребовать. Тут же не в цене дело, а в уважении... – я задумчиво пощелкал пальцами, хотя в железных перчатках это и было слегка затруднительно. – Ну, что бы нам потребовать? Ну не рыбок же золотых?

– Батюшка Кощей, – подсказал Михалыч. – А ты взамен потребуй штучку ненужную, но тоже старинную редкую. Таких, небось у каждого царя по углам пылится по сто штук! И даром не нать и выбросить жалко! Вот рассказывали мне как-то, что у морского царя валяется кусок старинной скульптуры змеюки какой-то мол, одно туловище от той скульптуры осталось. Поставишь ентот кусок у себя в галерее между Аполлоном и Венерой, да табличку напишешь мол, древняя вещь, да подарена, не пожадничавшим морским царем специально для художественной галереи имени Кощей.

– Ну-у-у... – протянул снова я. – В галерею это, да. Это можно. А на табличке потом можно еще и приврать всякого мол, откопана лично морским царем после десятилетних археологических раскопок в древнем затонувшем городе Эрзарцириусе. Или каком другом, потом придумаем. Как думаешь, госпожа посол?

– Да, Государь. Я знаю, есть у моего царя такой обломок древнего произведения искусства, – кивнула Морина. – Он его еще выкину... подарить кому-то хотел, а тут к нам с гастролями Венская опера пожаловала, и как-то забылось это дело. Думаю, государь мой не откажется обменяться с вами такими подарками.

– Ну и отлично, Мориночка! Тогда сейчас же прикажу тебе гусли-самогуды доставить, а ты их отвези царю своему с моими наилучшими пожеланиями. Да и с куском тем змеиным в ответ не затягивайте, как бы разговоры не пошли.

Морина со свитой радостно упорхнули, а едва они вышли из зала, дед наклонился ко мне:

– Федька, а где ты енти гусли брать будешь?

– А? А думаешь у Кощея их нет что ли?

– Да откуда я знаю, внучек? Кто-то про них царю морскому ляпнул, а есть они или нет, кто знает?

– От же... А я уже под них артефакт выторговал... Пошли, дед, поищем гусли. Где тут местное Хранилище 13?

* * *

Складские помещения оказались этажом ниже. Я думал, что сразу под дворцом начинаются всякие злачные места, казино да кабаки, куда мне Кошей ходить не велел, но они, оказывается, были ещё ниже, а вся площадь под коридорами и залами, была отведена под хранение всего подряд. Мы с Михалычем, сопровождаемые десятком рыцарей, спустились по довольно длинной винтовой лестнице вниз и сразу же упёрлись в стену до потолка, которая еще и простиралась во все стороны куда-то вдаль, исчезая в темноте. Прямо перед лестницей была одна единственная дверь в этой стене. Я взглянул на Михалыча, а тот только пожал плечами и постучал.

– Кто там? – тут же раздался мужской голос, а на двери откинулось с десятков маленьких окошек и из каждого выглянуло по арбалетной стреле.

– Э, э! – заволновался я. – Моё величество собственной персоной! Открывай, да смотри не пульни!

Окошки захлопнулись, с той стороны загремели многочисленные затворы, и дверь распахнулась, явив нам уже знакомого нам беса в пенсе. Ну, того самого, что в состав следственной бригады входил.

– Ваше Величество, – грациозно поклонился бес. – К Вашим услугам.

– А ты... Э-э-э...

– Виторамус, Ваше Величество, – представился бес. – Верный ваш слуга, Государь и хранитель всего вашего хозяйства. Завхоз, коротко говоря.

– Ага, вот ты-то нам и нужен! Принимай гостей.

– Прошу сюда, Ваше Величество, – бес посторонился, пропуская нас внутрь.

Я кивнул Михалычу и, велев рыцарям дожидаться нас на входе, шагнул за порог в самый простой кабинет, заставленный канцелярскими шкафами до потолка. Стол, стул да большая дверь на другой стороне кабинета, вот и всё убранство.

– Виторамус, а чего ты такой вежливый? Разговариваешь правильно, – заинтересовался я. – Без всяких ваших «в натуре» да «конкретно». Подозрительно как-то, да Михалыч?

– Мне ни к чему, Ваше Величество использование подобных вульгаризмов, – улыбнулся бес. – Когда-то в молодости, грешен был, каюсь. Хотя, какие уж грехи у нас, у бесов, мы сами по себе – один сплошной грех... А как был отослан Кошеем-батюшкой в Европы изучать математику да архивариусное дело, так быстро подрастерял все жаргонные словечки. Да и работа тут в одиночестве, тоже, знаете ли, располагает скорее к вдумчивому творческому процессу, нежели к пустопорожнему мотанию языком.

– Во чешет! – восхитился дед. – Ну чисто Максимилиан наш, когда к нему в конюшню сдуру попадешь.

– Похвально, Виторамус, – кивнул я. – Приятно с грамотными людьми... хм-м-м... Ой, да все мы люди, все человеки! Приятно, говорю, пообщаться. Только сегодня мы по делу.

– Разыскиваете нечто особенное, Ваше Величество? – догадался бес.

– Ага. Гусли-самогуды. Есть у нас такие?

Бес задумался на секунду, а потом уверенно заявил:

– Так точно, Ваше Величество, были такие, сейчас, – он метнулся к шкафам и задвигал ящичками, быстро пролистывая вложенные в них листочки. – Ага, вот. Гусли-самоплясы, гусли кота Баюна и гусли-самогуды.

– Во-во, – обрадовался я. – Нам последние и нужны. Самогуды, что бы это ни значило.

– Инвентарный номер сто тыщ восемьсот пятьдесят три... Так... Получены как доля доходов некоего Алексашки Топора, еще в... о, почти восемьсот лет назад. Извольте принести?

– Пойдем вместе, – решил я. Интересно всё-таки.

Мы вышли из задней двери кабинета в длинный коридор. Спереди опять стена, только дверей уже побольше.

– Склады, Ваше Величество, – пояснил бес. – Продуктовые различного назначения. Зерно, овощи, холодный отсек для скоропортящихся продуктов. Далее – оружейный склад с разбивкой по категориям, архив, ну и так далее. А нам сюда извольте, в колдовской склад.

Склад как склад. Огромное помещение, заставленное сверху донизу стеллажами и всё бы ничего, но глаза у меня просто разбежались от всяких интересных штучек. Чего тут только не было! Что-то я узнавал, хотя и без колдовского назначения, ну мечи всякие, шкатулки, части одежды, а кое-что было совершенно непонятное. Ну например, квадратная такая штуковина размером с кирпич, только наполовину красная, а наполовину черная да со всех сторон свисают как щупальца какие-то трубочки. Пойми, попробуй что это. Да к этим щупальцам и подходить-то боязно.

Заложив руки за спину, чтобы ненароком не схватиться за нечто особо интересное, я прошелся вдоль первого стеллажа, с интересом рассматривая колдовские предметы. Хорошо, что возле каждого артефакта, стояла небольшая восковая табличка, на которой было накарбано краткое описание. Например, тот кирпич с щупальцами оказался «стамограном пурикантором-18 ДБЖ» и всё сразу стало понятно. Нет, таких диковинных и совершенно непонятных штучек было мало, в основном я мог понять, что передо мной лежит, но интересно было очень. Я замер около изящной коробочки, размером со спичечный коробок, уж больно надпись странная была: «Шмат-разум». Сала шмат знаю, а разум?..

– Виторамус, а что это за разум такой? – спросил я почтительно двигающегося за мной беса.

– Бракованный экземпляр, – вздохнул бес. – Раньше мог по велению владельца создавать практические любые предметы. Наиболее распространенным пожеланиями были дворцы, да хрустальные мосты, уж и не знаю, кому мог такой мост понадобиться, но статистика использования прямо на это указывает.

– Знакомое что-то... А сейчас что может?

– Только перенос с одной точки в другую и не более ста пудов весом, Ваше Величество.

– Погоди, погоди... Ты хочешь сказать, что вот мы, к примеру с Михалычем, надумаем в Китай махнуть, так эта коробка нас туда перенесёт?

– Совершенно верно, Ваше Величество. На большее она уже и не годна. Совсем с ума сошел этот Шмат-разум, увы.

– Михалыч, ты слышал?! – завопил я в восторге. – А мы на Горыныче ветер ловим или на Максимилиане трясем, а тут вон какая вещь!

– Полезная штучка, внучек, – оценил и Михалыч коробку. – Только... А что ты там, мил-бес, про свихнутость мозга говорил? Не занесет ли вместо Китая, куда-нить на Колыму?

– Ну что вы, дедушка Михалыч, – улыбнулся бес. – Переносы выполняются чётко, а вот что-либо кроме перемещений просить не рекомендую. Шмат-разум впадает в состояние ступора, в коем может находиться до трёх суток. И даже не спрашивайте почему. Особенно – у него самого не спрашивайте.

– Да нам ничего другого и не надо! – я чуть не прыгал от радости. – Берем, дружище Виторамус, где расписаться надо?

– В кабинет вернемся, – серьёзно ответил бес, – там накладную и оформим.

Он положил коробочку в карман сюртука и махнул в сторону следующего ряда:

– А гусли вон там, Ваше Величество. Второй ряд, третий стеллаж, вторая полка снизу, место номер четыре.

Мы протиснулись между стеллажами во второй ряд и я в восхищении развел руками:

– Вижу, лежат. Ну, господин завхоз, не могу не отметить восхитительно налаженную работу твоего подразделения. Просто фантастика.

– Забираете гусли, Государь?

– Ага, за ними и пришли.

– Тогда будьте любезны вернуться в кабинет. Уж простите, Ваше Величество, а выемку предметов со склада надобно оформить, порядок-с.

– Конечно, пошли, оформим. А кстати, а что эти самые гусли такого волшебного умеют делать, что меломаны так за ними охотятся?

– Судя по описанию, Ваше Величество, при настройках по умолчанию, играют две-три незатейливых мелодии. Но играют настолько отменно, что восторг слушателей обеспечен.

– Жидковатое колдовство какое-то, – разочарованно протянул я. – Из-за двух песенок так страдать? Ну, нам же лучше – не жалко отдавать будет.

– На самом деле, Ваше Величество, – уточнил бес, тщательно прикрывая дверь колдовского склада, – в данном артефакте имеется и скрытое колдовство. Во-первых, чем больше гусли слушать, тем сильнее их снова слушать хочется, просто оторваться невозможно. Эдакий гипнотический эффект. А во-вторых, если гусли правильно настроить и долго тренироваться, скажем, лет пятьдесят, то они помогут владельцу стать лучшим музыкантом на свете.

– Ну, нам это и на фиг не нужно. Давай Виторамус, оформляй выдачу мне двух полезных штучек, а то спешим мы.

Я расписался в быстро подготовленных накладных, а перед тем как покинуть этого высококлассного завхоза, спросил:

– Виторамус, всего ли тебе хватает тут? Не нужно ли чего? Может быть секретаршу посимпатичнее или ящик коньяка – чернила разводить?

– Благодарю, Государь, ничего не требуется. Процесс налажен давно и вмешательство нежелательно.

– Орёл! Михалыч, пометь себе – выдать Виторамусу премию в десятикратном размере! – Я протянул завхозу руку. – Впечатлил, дружище! Впечатлил и порадовал!

Обратно карабкаться по винтовой лестнице было не очень приятно, и выполз я из подземелий слегка запыхавшимся – сказывались пирожки Михалыча. Вот разделаюсь с делами и начну бегом заниматься. Утречком десяток забегов вокруг Лысой горы и никакой отдышки. Решено! А пока...

– Гю-у-унтер!!! – заорал я.

Через пару минут вездесущий мажордом или дворецкий... а, не важно, замер около меня:

– Ваше Величество?

– Гюнтер, держи гусли, отдай их послнице Морине со всем нашим уважением. Да напомни мол, ответный подарок в виде змеюки, ждём как можно быстрее. Давай, если что, я в Канцелярии буду.

Гюнтер исчез, а я вытащил из кармана коробочку для переносов и подмигнул деду:

– Испытаем, Михалыч?

– От ты ленивый, Федька, – проворчал дед. – До Канцелярии всего-то три зала и четыре коридора.

– Ну, интересно же, работает или нет, – я потряс коробочку, потом осторожно открыл. – Ау? Есть кто живой?

– Разве что таракан, али мураш какой, – иронично проскрипел из коробки хриплый мужской голос. – Откель живые-то в такой махонькой коробочке?

– Шмат-разум, надо полагать? – вежливо спросил я.

– А кто спрашивает? – заносчиво раздалось из коробки.

– А тебе не один хрен? – хмыкнул дед, наклоняясь к коробке поближе.

– Михалыч? – раздалось неуверенно из пустоты. – Ты што ли?

– Я, сокол ты наш невидимый, я, – подтвердил дед. – А ну-ка, голубь ты наш сизокрылый, перенеси-ка нас с Федькой прямиком в Канцелярию!

– Сей момент!

Легкая зеленоватая рябь и мы уже стоим в Канцелярии. Дизель скрипит костяшками в генераторной, Тишка лупит Гришку ложкой между рожек, Маша сучает с книгой на диване – как и не уходили никуда.

– Ух, дед, класс! – завопил я. – Теперь шляться по коридорам не надо будет! Раз – и в тронном зале! Два – и на кухне!

– Не советую, внучек, – дед отобрал коробку, завел руку с ней за спину и зашептал: – Он же чокнутый, Федь. Пользоваться им надоть только в крайнем случае. А как переclinит его? И попадешь ты вместо кухни прямиком на пиршественный стол к фон Дракхену. Оно тебе надо, внучек?

О, верно. Я немного пригорюнился, но потом решил заранее не расстраиваться, отобрал у деда коробку и спрятал в карман.

В Канцелярии было как-то тихо и пусто. Аристофан с Калымдаем отправились на задания, Олёну где-то носило, Маша изучала очередной рыцарский роман... Я задумался. А что, сейчас самое удобное время заняться личными делами. Я вам уже намекал на мою Варю. Может быть, вы и не заметили, но я вам с удовольствием напомню и расскажу. Вообще, в нашей Канцелярии наметилось аж три любовных линии. Ну, у Маши с немецким послом, Кнудом Гамсуновичем, давний роман. Они с начала лета как встретились, так жить друг без друга не могут. Встречаются при каждом удобном случае. Особо не таятся, но и на показ свою любовь не выставляют. По крайней мере в Лукошкино я ни одной сплетни про них не слышал, а уж сплетни в Лукошкино, скажу я вам... Еще и не произойдет ничего толком, а слухи уже над городом витают и версий происходящих событий, а чаще – еще и не происшедших, уже столько, сколько самих горожан. Национальная забава такая...

Так вот, любовные линии. Еще наша Олёна и Никита участковый. Олёна – бесовка. Только не от рождения, а по воле случая. Я толком не вдавался в подробности, но вроде бы еще в детстве продали девчущку Кощею, а тот превратил её в бесовку, слугу свою. А это по силе, ловкости, остроте ума – на порядок выше обычного человека. Так и служила Олёна Кощею, пока вдруг не взбунтовалась. Ну, понятно, какой девушке хочется всю жизнь по Кощевым делам мотаться да души невинные губить по его приказу? Конфликт у неё летом с Кощеем возник серьёзный. Однако как-то удалось им договориться миром, что для местных нравов – большая редкость. В итоге сошлись они с Кощеем, что Олёна еще год ему верой и правдой служит, а за то он её на волю самым обычным человеком отпускает. Вот такой злодей у

нас царь-батюшка. А Олёна повстречала Лукошкинского участкового – Никиту Ивашова, ну и втюрились они друг в друга как Ромео с Джульеттой по разные стороны баррикад. Романтика так и брызжет фонтаном во все стороны. Не знаю точно, как у них там сейчас дела продвигаются на любовном фронте, но Олёна при каждом удобном случае старается в Лукошкино улизнуть. С Машей на пару. Тут они спелись, две влюбленные дамочки. Я бы может и препятствовал бы им, но на меня и самого, как балкон с новостройки рухнул любовный кризис. Хотя, почему кризис? Мне нравится, даже более того – почти счастлив. Почти, это потому, что со своей Варей редко удается увидеться. Варя у меня, кстати, не из каких-нибудь там бесово-участково-вампиров, а настоящего боярского рода. Мама у нее давно померла, а батюшка этим летом преставился, так два её братца-придурка сестричку быстренько в монастырь оформили, а сами занялись усиленным пропиванием боярского имущества. А когда на самогон и девок гуляющих денег хватать перестало, так они и деревеньки свои грабить вздумали, а потом и вовсе на большую дорогу с топором выходить стали. Вот такие вот слуги царю, защитнички Отечества. А я как раз по заданию Кощея попал в тот женский монастырь, куда Варю определили и собирались послушницей сделать. Ох ну там монастырь был... Это для отдельного рассказа. Конкурент веселым домам на Лялиной улице, так скажем. Варю я оттуда вытащил, братцев её Никита арестовал за все их проделки, а Горох братцев отправил на вечную каторгу, ну а Варя вернулась в своё поместье. Куда я и стараюсь выбраться при каждом удобном случае. Только случаев таких последнее время мало выпадает. Я с этими государственно-дворцовыми делами совсем замотался, даже самому себя жалко.

К чему это я всё рассказываю? А к тому, что раз пауза у нас в делах возникла, решил я наших девчонок – Машулю да Олёну, в кратковременный отпуск отправить к своим ухажерам. Я же добрый, сочувствующий, всегда влюбленным помочь рад. Тем более, хотел я и давнишнюю идею свою в жизнь наконец-то воплотить. Варюша моя жутко скучала в своем имении, а как-то еще и проговорила мне, что любит с детишками возиться. Я тогда возьми и ляпни мол, а давай в Лукошкино школу откроем, а ты там учительствовать будешь? Варя и загорелась этой идеей, да только со всеми этими летучими кораблями, пленом Кощея и последующими свалившимися на меня хлопотами, я никак даже близко подобраться не мог к этой задумке со школой. Вот как раз и удобный момент настал.

– Машуль, – окликнул я нашу вампиршу, – дело у меня для тебя есть.

– Ох, Теодор, – вздохнула Маша, не отрываясь от книги, – вы же знаете, как я занята. У меня и голова не мыта, да еще...

– В Лукошкино надо бы съездить, – перебил её я.

– ...но для дела я всегда готова, мсье Теодор вы же знаете. Когда ехать?

– Зови Олёну, я вам сразу обеим и расскажу.

Усилиями Маши, Олёна была моментально доставлена в Канцелярию. Вот бы они для дела так суетились.

– Девушки, пока у нас свободное время образовалось, – обратился я к томящимся без ухажеров дамам, – хочу вас попросить помочь Варе. Надумали мы школу в Лукошкино открыть и Варя там учительницей станет. Только надо же школу официально через Гороха открывать, вот тут-то веский голос участкового, да мнение культурной Европы в лице немецкого посла, очень нам на руку сыграть могут.

Девчонки переглянулись.

– Я думаю, мсье Теодор, что Европа будет заинтересована в развитии образования на Руси.

– Никита поможет, – потупила глазки Олёна.

– Вот и славно, – обрадовался я. – Финансирование я на себя возьму – сколько там, на школу надо? Небось, бесы наши за ночь больше в подвалах пропивают.

– Горох, как владыка земель, обязательно выделит денег на школу, – заявила Маша. – Уж мы с Кнутиком позаботимся.

– Ну, какой он владыка, Маш? Ладно. Вы, девушки на Максимилиане поедете? Или могу вам предложить новое средство для перемещения, только еще толком не опробованное, зато мгновенно.

– Рискнем новое опробовать, – снова переглянулись Маша с Олёной.

Ну, понятно, истосковались по своим ухажёрам.

– Ну и отправляйтесь тогда, чего тянуть? – я протянул Маше коробочку с Шмат-разумом. – Связь со мной держите по булавкам, а если что, так сразу меня в город вызывайте.

Кстати, кто не в курсе – связь по булавкам, это именно связь с использованием булавок. Только не обычных, конечно, а обработанных специальным колдовским составом. Мне дед еще летом про такое объяснил. Воткнёшь такую булавку в воротник, сожмёшь пальцами головку и говори имя вызываемого абонента, а потом и общайся безлимитно, хоть сутки напролёт. А можно одновременно и с несколькими сразу болтать, типа конференции. Очень приятные и полезные штучки оказались. Я всю свою Канцелярию как летом снабдил булавками, так с ними и ходим до сих пор.

Девчонки быстро улизили, а я решил ради разнообразия заняться дворцовыми делами.

Оказалось, что загадочные неприятности во дворце продолжают. Не такие разрушительные, как вчера, но всё равно имеют место быть.

На кухне заледенела и лопнула кастрюля с борщом. В бухгалтерии каждые пятнадцать минут с потолка раздается зловещий хохот. Мелочь, а неприятно конечно.

На лужайке около ворот за пять минут выросла и засохла пальма. Даже бананов урожай не успели собрать.

В конюшне вместо овса, корыта наполнились опилками. Максимилиан, говорят, сразу не разобрался и умял несколько горстей, пока не почувал, что не очень-то вкусно.

У Гюнтера духи в нашатырный спирт превратились, но это меня меньше всего волнует.

А вот в целом – неприятно. Получается, что эти змеелюды продолжают под Кощея копать и что более обидно – под меня, как его заместителя.

Как раз вовремя появился старый колдун Лиховид.

– Лиховид Ростиславович, ничего не узнали нового? – спросил я.

Но колдун даже не обратил на меня внимания, зависнув под потолком и внимательно оглядывая Канцелярию.

– Девка где? – вперил он в меня мутные свои очи.

– Олёна? Так она на задании, Лиховид Ростиславович, очень занята.

– Смотри у меня, Федька, – колдун погрозил мне пальцем. – Моя!

– Ну, вот зачем она вам, а? Вы же, извините, призрак. Ни обнять, ни поцеловать... А девушка мучается от ваших приставаний, а ей и так на работе не сладко. Завязывали вы уже с ней, а?

– Цыц! Молодой ишо меня поучать! Моя девка и всё тут!

Я только махнул рукой:

– Про змеелюдов-то откопали что-нибудь новое?

– Идут они, Федька, идут. Скоро уже здесь будут. Не успеешь Царь-змея найти – хана тебе.

– А скоро – это как?

Но колдун только пожал плечами, потеряв интерес к беседе и вылетел сквозь стену из Канцелярии.

– Старый хрыч, – фыркнул Михалыч. – От сколько я его помню, всегда такой был, внучек. Вредный. Только за девками не гонялся. Енто у него чтой-то новенькое прорезалось... Пошли лучше ужинать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.